

МАРИЯ БРИКЕР

КУПЕЛЬ ОФЕЛИИ

Детективные тайны Марии Брикер

Мария Брикер Купель Офелии

*Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=658645*

Купель Офелии: Эксмо; М.; 2011

ISBN 978-5-699-51244-7

Аннотация

Кто не мечтает о славе и богатстве? Ванька, Семен и Павлуша искали спонсора, чтобы воплотить в жизнь свою гениальную идею: снять философское реалити-шоу о «белых воронах» – людях, которых отвергает общество. «Денежный мешок» буквально свалился с неба! На Воробьевых горах друзья познакомились со странной девушкой Кристиной и неожиданно для себя спасли жизнь и ей самой, и ее новорожденной дочке Офелии! Отчим Кристины, миллионер и меценат Руслан Белгородский, решил отблагодарить молодых людей и согласился вложить деньги в их проект. Шоу благополучно стартовало, но внезапно безобидное реалити превратилось в кровавый триллер: кто-то начал планомерно истреблять «белых ворон»...

Содержание

Пролог	4
Глава 1	10
Глава 2	22
Глава 3	36
Глава 4	48
Глава 5	61
Глава 6	71
Конец ознакомительного фрагмента.	91

Мария Брикер Купель Офелии

Пролог

Октября 12-го, 1859 года

Милый мой друг, любимая княгинюшка Настасья Власовна!

Невозможно передать словами, как мне Вас не хватает. Каждую ночь, опуская голову на подушку, я закрываю глаза и вижу прелестное Ваше личико в обрамлении золота пшеничных волос. Просыпаюсь, и все мои мысли вновь устремляются к Вам. Как бы мне мечталось сию минуту припасть к Вашим коленям и поцеловать подол Вашего платья. Увы! Судьба-индейка бесчеловечно с нами поступила, расшвыряла в разные стороны и не дала шанса быть вместе.

С нежностью вспоминаю нашу встречу на Водах, куда волею судьбы нас зашвырнуло по надобности лечебных процедур. Кипарисы прели от жаркого солнца, раскалялись валуны и песок, а Ваша рука была прохладной... И, о, как смеялись Ваши синие глаза! Знал ли я тогда, при нашей первой встрече, что судьба окажется так жестока к нам и нашей любви. Сердце Ваше навеки отдано мне, но Вы не можете оставить мужа. Как это мучительно несправедливо.

Когда Вы, милая моя, родная Настенька, озвучили мне сей приговор, я был раздавлен и убит, но судить Вас не смею и благодарен Вам уже за то, что наградили меня несколькими мигами интимности в то жаркое кипарисовое лето. В минуты скорбной печали по Вам я буду воскрешать счастливые мгновенья нашей телесной любви в памяти и теплеть сердцем.

Простите меня великодушно, моя милая княгиня, что внезапно исчез. Скончался мой папенька, пришлось решать наследственные дела в родовом имении.

Долго думал я на досуге над несправедливостью нашего существования и понял, что вернуться не представляется мне правильным. Не хочу смущать Вас, милая моя, своим присутствием и любовью. Вижу, как неловко Вам делается, когда мы случайно встречаемся у общих знакомых, в Опере или театре, как розовеете Вы щеками и обескураженно отводите взгляд. А для меня мука смертная видеть Вас об руку с ним, с виду беззаботной и счастливой. Выбираю пожизненную ссылку. Будьте здоровы и счастливы, любовь моя Настасья Власовна.

Ваш верный слуга, граф Б.

– Занятно, – улыбнулась Донателла, отложила письмо на стол и потерла мизинцем переносицу. Движение это было так трогательно, что захотелось припасть губами к ее аккуратному носику и поцеловать мизинчик. – Досадно, что такая любовь в наше время невозможна, – продолжила она на-

столько рассудительно и сухо, что целовать ее расхотелось. – Романтика прошлых столетий канула в Лету. Единственное, что волнует сейчас мужиков, это как, не напрягаясь, залезть даме под юбку.

– В таком случае не стану уточнять, о чем мечтают современные женщины, – хмыкнул ее собеседник, манерно обмахнувшись пачкой пожелтевших от времени листов.

– Женщины, как и прежде, страстно мечтают о настоящей любви. Только где ее взять, если все нормальные мужики вымерли, как мамонты? Приходится компенсировать ее отсутствие...

– Неромантичными мужиками с бабками, – заключил он.

– Хотя бы и так. Или хорошим сексом, – мурлыкнула Донателла, поднялась, подошла вплотную и запустила руку в его шевелюру. Письма выскользнули из руки и рассыпались по паркету осенними листьями.

Мужчина притянул Дону к себе, ладонь скользнула по спине вниз, за ремень узких джинсов, соблазнительно облегающих ее бедра, пальцы наткнулись на шелковую полоску трусиков. Попытался угадать – красных или черных?

– Прекрати, – раздраженно отстранилась она. – Кристина дома. Застанет нас – взбесится. А в ее положении нервничать вредно.

– Она уехала кататься на новой тачке. – Мужчина снова притянул Донателлу к себе, пытаясь удержать.

Дона отпихнула его, подошла к окну, отодвинула занавес-

ку, нервно постукивая ноготками по подоконнику.

– Невыносимая девица! Постоянно за мной шпионит, подслушивает, подглядывает. Я уже вздрагиваю от каждого шороха. Так недолго параноиком стать. Я устала от ее выходов! Поговори с ней, вправь мозги. Тебя Кристина уважает, а меня ненавидит.

– Ты преувеличиваешь, но я обязательно поговорю, – кивнул он.

– Глупо было дарить ей спортивную машину. Девчонка же совершенно без башки. Скорость не контролирует.

– Пусть проветрится, ей это не помешает.

– Кристине не помешает хорошая порка! Я до сих пор в шоке от последних известий. Как она могла залететь? Как такое могло случиться? Ей же всего восемнадцать! Кто папаша, в конце концов?

– Милая, ты меня начинаешь утомлять. Расслабься, это не должно тебя волновать. – Мужчина собрал письма с пола, сел, закинув ногу на ногу, и аккуратно сложил их в стопку.

– Ведешь себя, словно тебя это не касается, – не унималась Донателла.

– Да.

– Что – да?

– Не касается.

– Неужели ты уговорил Кристину сделать аборт? – Донателла приподняла красивую бровь.

Собеседник поморщился, словно проглотил горькую пи-

люлю, и сказал нехотя:

– Почти... Обещала подумать. – Вспоминать сегодняшнюю истерику девушки после их разговора на эту тему было утомительно. Криста вела себя как дикарка, чуть глаза ему не выцарапала. Он потер щеку, воспаленную от удара ее ладошки. Маленькая стерва!

Кристина никогда не сдерживала свои инстинкты, брала от жизни то, что хотела. Вот и результат. Сиюминутный порыв вылился в большую проблему, которую надлежало решить как можно быстрее. Мужчина нервно усмехнулся.

– Мы разговариваем, как супруги со стажем, – расхохоталась Дона.

Ей наконец-то надоело вести себя как сварливая жена, и она вернулась в прежний образ обворожительной светской львицы. Такой Доначка ему нравилась больше. Злость украшала ее только в постели, а в повседневности уродовала, лишая прелестное лицо волшебной ауры.

– Ладно, давай следующее письмо, – попросила Донателла. – Умираю от любопытства поскорее узнать, что за секрет они в себе таят. И, главное, каким образом письма могут решить все наши проблемы.

– О, дорогая! Ты даже представить себе не можешь, какой клад мы с тобой отрыли на руинах прошлых столетий, – подмигнул собеседник. – Если сделать все по уму, то мы окажемся в двойном наваре. И будем свободны от обязательств.

На столе завибрировал мобильный. Донателла отложила

только что взятое в руки письмо и ответила на звонок.

– Что? – осипшим голосом переспросила она, выронила телефон и обернулась к мужчине. – Страшная авария на шоссе... Это ужасно!

– Говори! – заорал тот. – Что с Кристиной? Она жива?

– Кристина в реанимации, в очень тяжелом состоянии. Прогноз врачей неутешительный, – прошептала Донателла, всхлипнула и закрыла ладонями лицо.

Глава 1

ГОГОЛЬ И УТКИ

Семь месяцев спустя...

Закатное солнце лениво поплутало среди деревьев и, искупавшись в мутной воде Москвы-реки, растворилось в вечерней городской суете Воробьевых гор. Повеяло тиной и сыростью, вода в реке потемнела. Народ, неспешно прогуливающийся вдоль набережной, потянулся косяком к метро, засобирались с насиженных местечек любители выпить пива на природе.

Семен Лукин выпустил струйку дыма, швырнул в воду окурок и хмыкнул, наблюдая, как покачивающиеся на волнах утки метнулись к недокуренной сигарете, громко крякая и оттесняя друг друга от бычка жирными гузками.

– Во дуры! Гы-ы-ы! – захохотал Сеня.

Тут же получил ощутимый подзатыльник от своего спутника – товарища и однокурсника Николая Васильевича. Лукин в отместку пихнул Терехина кулаком в плечо – тот застонал, скорчил физиономию и картинно рухнул на траву, да еще сложил руки на груди. Семен издал невнятный гортанный звук, достал из кармана рубашки синюю пачку «Житан» и закурил новую сигарету.

По манере общения Лукин походил на легендарную Эл-

лочку Людоедочку: напрягаться, формулируя недовольство в развернутом виде, Сене было в лом, он выражал свои мысли, ограничиваясь мимикой и утробными звуками.

– Не вздумай опять в реку кидать, по тыкве получишь, и сам туда же полетишь, – предупредил Николай Васильевич.

– Зеленый пис... – съязвил Лукин, настороженно косясь на товарища одним глазом и вцепившись рукой в серый гранит набережной для подстраховки – купаться Лукину не хотелось. Но Николай Васильевич жевал соломинку и медитировал, глядя в небо, и Семен расслабился.

Вообще-то по паспорту студента сценарного факультета четвертого курса ВГИКа Терехина звали Ванькой, но друзья и одноклассники давно об этом забыли и величали его исключительно Николаем Васильевичем. Прозвище прилипло к Ваньке еще на первом курсе из-за поразительного внешнего сходства с великим писателем Гоголем. Хотя образ был слегка подретуширован временем: к каре и усикам прибавились модная бородка-эспаньолка и элегантные очки. Одевался Николай Васильевич в стиле творческого андеграунда: зимой таскал американскую шинель, длинные шарфы грубой вязки, вельветовые джинсы, растянутые свитера, олимпийки и высокие сапоги; летом – портрет Че Гевары на груди, армейские ремни, круглые часы на цепочке, буквы «СССР» на спине и кеды. В общем, на Ваньку Ванька совсем не походил.

Как и подобает творческой натуре, Николай Васильевич нежно любил женщин и старательно поддерживал креатив-

ный имидж, маскируя под революционным обмундированием свое романтическое нутро. Терехин считал, что сантиментами в наше время привлечь к своей персоне можно лишь восторженных провинциальных дур, прибывших из какого-нибудь Задрипинска в Москву за принцами. Нет, провинциальные искательницы приключений Ваньку не воодушевляли. Накушался, хватит. Именно с них Николай Васильевич начал свою карьеру познания женской натуры, когда приехал покорять столицу из Нижнего Тагила. Вкусив все прелести иногородних красавиц на пружинистых койках в заводских и пэтэушных общагах, посетив районный кожно-венерологический диспансер и вылечив неприличную болезнь, Терехин потянулся к более высоким материям – переключился на романы со студентками филологических факультетов, крутил лямуры с молоденькими художницами и поэтессами-графоманками.

Поэтесс Терехин особенно ценил за чувственность и перманентную готовность к любви. Найти стихоплеток было делом несложным. Он цеплял их в Интернете, на порталах со свободной публикацией произведений, виртуально обхаживал, пел словесные дифирамбы таланту и назначал встречу, чтобы прочесть Есенина под луной.

«Дай, Джим, на счастье лапу мне», – шептал он нежно на ушко девицам, и поэтессы оказывались в постели без особых усилий с его стороны. Таким нехитрым способом он «развиртуализировал» с дюжину прелестных девиц. Если бы еще

поэтессы не мучили его собственными стихами, не ходили в лунные ночи по подоконникам с распущенными хаерами, изображая Маргариту перед полетом, не заставляли, вцепившись в его клешню, валяться на мокрых осенних листьях, глядя в хмурое небо и вдыхая полной грудью ароматы бархатных сумерек вперемешку с запахами потухших костров соседних помоек, а самое главное, не парили бы ему мозг угрозами о неминуемом самоубийстве после расставания – то в активе у Николая Васильевича остались бы только приятные воспоминания.

К счастью, до настоящего момента жертвы суицида в списке Терехина не наблюдались, была лишь одна неудачная попытка свести счеты с жизнью. Последняя его «любовь» – поэтесса Галина Воронина-Колченогова, ретродевица с огромными млечными глазами и тонкими щиколотками, учудила: несколько часов просидела на крыше пятиэтажки, свесив вниз оранжевые от ежедневного потребления морковного сока пятки. Целую ночь поэтесса рыдала на весь двор белугой, в перерывах декламируя уснувшему городу свои шедевры. Одно стихотворение Терехин даже запомнил.

Я миф,
Я жалкая подделка!
Я Млечный Путь,
Я девочка-сопелка.
Я ноль!
Я боль!

Порвусь и в небе растворюсь...

Читая свои опусы, Галочка так страстно пучила глаза, что Ванька всерьез решил – любовница в самом деле способна порваться на фиг от эмоционального накала чувств. К тому же в последних творениях Галочки суицидные наклонности прослеживались особенно ярко, и перспектива полета с пятого этажа казалась Ваньке вполне реальной. К рассвету вторая бутылка чилийского красного закончилась, он даже слегка струхнул и вызвал подмогу. Девушка милостиво разрешила снять себя с крыши подоспевшим добрым санитарам, которые не позволили Галочке раствориться в небесах и размазаться по заплеванному асфальту ее поэтическим мозгам.

Скоро стихотворицу должны выписать из отделения нервных болезней одного небезызвестного медицинского учреждения. Выхода бывшей любовницы в реальный мир Николай Васильевич ждал с некоторым волнительным трепетом, во-первых, Галочка пока была не в курсе, что она бывшая, во-вторых, в «дурку»-то поэтесса загремела ведь не без его непосредственного участия. На всякий пожарный, в качестве откупного, он даже припас бутылку портвейна и три кило морковки, чтобы остудить гнев прежней подружки овощным нектаром и «кровью Христа». И все равно он слегка трусил. Галочка была так горяча, что Николай Васильевич не особенно надеялся на благостный исход встречи.

«Порвет, как Тузик грелку», – предположил он, с удив-

лением ловя себя на мысли, что соскучился по оранжевым пяткам сумасбродки. «Совсем одурел», – подумал Терехин и вздохнул, как Арамис.

Сейчас от бутылочки заныканного для Галочки красного он бы не отказался – весь вечер приходилось давиться дешевым баночным пивом из-за критического финансового положения. В кармане пылился лишь студенческий проездной на метро. Пожрать тоже не помешало бы, ведь с утра ничего не ел. Одна надежда на Пашку Хлебникова. Товарища общим собранием отправили за провизией к тетке-профессорше. Профессорша проживала в жилом корпусе главного здания МГУ, в получасе ходьбы рысью от места их парковки, но прошло уже около двух часов, а свинтус Хлебников святую миссию так и не выполнил: жратвы не приволок, сам бесследно испарился, предварительно вырубив, сволочь такая, мобильник.

Сверху, из открытого ресторана, тянуло жареной осетриной и шашлычком. Ванька сглотнул слюну и пригорюнился. Лукин тоже страдал, принимаясь к аппетитным запахам, шевеля ноздрями, как вампир перед укусом, и сплевывая в реку слюни. Страстно захотелось спихнуть сокурсника в воду, в эти самые слюни и окурки – пусть бы понял наконец-то, что плевать в собственный колодец грешно.

«Вот же козлина некультурный!» – ругался про себя Николай Васильевич, примеряясь кедом к хребтине Лукина. Но на берегу было так тихо и благостно, что нарушить идилли-

ческую картину Терехин не решился и вернулся к своим размышлениям о личном...

С художницами дела обстояли сложнее. Николай Васильевич Терехин находил их в парках, скверах, на территории монастырей и улочках около церквей. Амбициозные и сдержанные, погруженные в свой внутренний мир, колкие на язык, ленивые на эмоции, заикливающиеся на своем творчестве – они на контакт шли гораздо хуже, но все же, все же... Одним словом, опыт по завоеванию будущей творческой богемы получил приличный. Теперь можно смело приступать к штурму более серьезных бастионов.

Уже пару месяцев по ночам ему грезились сногсшибательные гламурные красотки модели, актрисы и успешные бизнес-леди, но пока представительницы этой категории женщин Терехину недоступны по причине его полной финансовой несостоятельности. Не то чтобы он был совсем нищ и гол как сокол. В свободное от учебы время Николай Васильевич трудился копирайтером, заполнял контент сайтов всякой ерундой вроде рекламных статей и слоганов, провоцируя активность пользователей на пустынных форумах интернет-ресурсов, писал сценарии сетевых конкурсов и делал попытки пробиться на ТВ, сочиняя скетчи для юмористических передач. Озолотиться не вышло, заработка хватало лишь на пиво, киношку и мороженое для дам средней категории (так он называл художниц, филологинь и поэтесс). Ждать серьезной финансовой поддержки от родителей не

приходилось. Ванька вырос в среднестатистической семье: отец – умеренно пьющий инженер, мама – тихая домохозяйка, уставшая от жизни и бытовых проблем. Зажиточных родственников у Николая Васильевича тоже не наблюдалось, поэтому Терехин решил разбогатеть собственными силами, придумав нечто эдакое, гениальное, что непременно вознесет его на гребень славы.

Трезвыми голодными вечерами мечталось Ваньке, что он уже богат и знаменит, всюду вкушает горько-сладкий дурман популярности со всеми вытекающими прелестями... Однако пока придумать нечто эдакое, гениальное никак не получалось. Была, правда, одна идея, так сказать, для начала раскрутки, но родилась она не в его голове, а была оплотом коллективного разума друзей: самого Терехина, Лукина и Хлебникова.

В чью конкретно голову идея пришла раньше, друзья забывали по причине алкогольной амнезии после дегустации коктейля: серебряной текилы, разбавленной пивом, клюквенным морсом и теплой финской водкой – в равных долях. Задумка была тривиальной, но ее банальность Ваньку не огорчала. Все гениальное, как известно, просто, оптимистично рассуждал он. К тому же их совместный проект был всего лишь разгоном для более великих дел. В то хмельное утро друзья составили план действий, первым пунктом которого стоял поиск спонсора...

Над рекой расквасились сумерки. Терехин, прищутив

один глаз, посмотрел на размытый акварелью облаков месяц. Отчего-то снова вспомнились Галочка, заныканная бутылка портвейна, оранжевые пятки, лицо с млечными глазами, и чумная мысль заплясала где-то на загровке Николая Васильевича, как чертенок. Может, ему на поэтессе жениться? И взять фамилию жены? Богатым брак его не сделает, счастливым тоже вряд ли, но хотя бы аристократом станет. Как не стать с такой фамилией? Кто он сейчас? Ванька Терехин. А будет – Иван Воронин-Колченогов. Это вам не хухры-мухры! Глядишь, с такой-то фамилией спонсор для их проекта быстрее найдется.

«Зря я в дурку эту сумасшедшую клюшку упек», – вдруг расстроился Ванька. Она хотя бы иногда пельменями подкармливала... с кошатиной, из соседней кулинарии. Борщ опять же однажды сварганила с сосисками. До того счастливого момента он и не подозревал, что бывает сосисочный борщ. Впрочем, не такая уж Галка и сумасшедшая. Можно сказать, совсем не сумасшедшая. Обычная среднестатистическая поэтесса. Ну с заскоками. А у кого их нет? Лукин, к примеру, как нажрется, всем втирает, что написал сценарий, отправил его в Голливуд и скоро сам Вуди Аллен начнет снимать по нему фильм. Идиот!

А Сеня действительно писал сценарий, правда, известный американский режиссер пока был не в курсе его стараний. Для будущей культовой картины Лукин взял за основу актуальные темы однополрой любви и фашизма, решив с лету

прибить двух зайцев разом. К работе он подошел с невероятным энтузиазмом, но вскоре дело застопорилось. Потому что в ночном клубе к Лукину неожиданно пристал с недвусмысленным предложением гей, выветрив из души Сени толерантность и вдохновение разом.

После стычки с гражданином нетрадиционной ориентации Лукин пришел домой и написал вместо запланированной любовной сцены кровавый эпизод расчленения однополых влюбленных неизвестным маньяком в черном плаще и маске. На этом этапе работа над сценарием культовой картины была вынужденно заморожена. Сению смущало, что у него выходит примитивный сценарий детектива, а он-то планировал написать психологическую драму с глубоким философским смыслом.

Остыв от потрясения после произошедшего в общественном туалете клуба, Лукин отправил эпизод в корзину. Но неизвестный маньяк неожиданно переселился со страниц сценария к Сене в мозг и теперь частенько заявлялся к нему по ночам, дразнил, размахивая окровавленной секирой, и мешал Лукину продолжить работу над своим бессмертным творением.

«Кто, спрашивается, нормальный в этом мире?» – размышлял Ванька. Галочка Воронина-Колченогова, гуляющая морковными пятками по крышам кургузых пятиэтажек? Или Сеня Лукин со своим Вуди Алленом? Определенно Галочка! Однако поэтесса в дурке, а придурок Сеня – на бере-

гу Москвы-реки... Сидит, понимаешь, уток дразнит. Какая несправедливость! – возмутился Ванька, разглядывая с высоты своего роста русые вихры на Сенькином затылке.

Внезапно Терехина потянуло на размышления о банальностях и сложностях человеческой натуры. Собственно, в том и заключалась суть их коллективной идеи: сделать не тупое реалити-шоу, которых по телику полно, а реалити с философской подоплекой, чтобы круче, чем у Гордона, и интересней, чем «Ледниковый период» и «Последний герой».

Семен, словно почувствовав взгляд товарища, обернулся. Походил Лукин в данный момент на дебильного Пьеро.

Удивительное свойство Сени асимметрично перекашивать физиономию Терехина всегда поражало. Еще Терехин подумал, что если бы Лукин умел разговаривать, а не мычать, то пользовался бы бешеным успехом у девчонок.

Романтизма в голубых глазах Семена было хоть отбавляй – настоящего, невыдуманного, трагического, беспросветного, именно такого, как любят представительницы прекрасной половины человечества. Внешностью Лукина тоже бог не обидел. Но когда Сеня открывал рот, ореол его обаяния таял, как эскимо в летней луже. Верно говорят, женщины любят ушами, а от Сенькиных «рулад» любое ухо вяло, как васильки на солнцепеке, не то что девичье.

Неуспех у женского населения планеты Сению печалил. После нескольких неудач Лукин так оробел и оброс комплексами, что больше не предпринимал попыток завоевания

девичьих сердец, с девушками вел себя вяло, словно замороженный минтай. Как и Ванька, он страстно мечтал о славе и деньгах, но на подвиги его толкали совершенно иные мотивы, слишком глубинные и сложные, чтобы можно было их сформулировать в двух словах.

Глава 2

ПРО ОТЦА-ГАДА И ШНОПАК РОЗЫ ЛЮКСЕМБУРГ

В Москве Лукины-старшие обосновались примерно за год до Сениного рождения. Родители перебрались в столицу из маленького провинциального городка на Волге, где их семейство считалось уважаемым. Мама – начинающая драматическая актриса, отец – руководитель местного экспериментального театра. Возможно, жизнь родителей сложилась бы иначе, если бы в их городок не занесло на гастроли столичную труппу во главе со знаменитым на всю страну режиссером Артуром Разумовским. Красавица Лидочка Лукина пленила сердце мэтра с первого взгляда, а когда Разумовский увидел ее игру, то окончательно потерял голову и позвал красавицу с собой в Москву, посулив молодой актрисе золотые горы.

Будучи девушкой высоконравственной, Лидия голову от щедрого предложения не потеряла, но и от перспективы стать столичной звездой отказываться побоялась. Она нахально предложила компромисс: дескать, согласна ехать в Москву, если и для ее супруга в театре найдется теплое местечко. Влюбленный по уши режиссер согласился, шустро организовал переезд для всего семейства скопом, пробил

для Лукиных скромную квартирку при театре и принялся дальше опекать красавицу, сделав ее ведущей актрисой своих постановок.

Зрители новую звезду приняли с восторгом, однако поблистать на сцене Лукиной пришлось недолго. Лидочка неожиданно забеременела и поступила довольно легкомысленно для актрисы – решила рожать. Решение стоило ей дружбы и опеки Разумовского. Режиссер известие о беременности воспринял в штыки, бушевал, бросался бутафорией, требовал немедленно сделать аборт, слишком много сил он вложил в новую звезду, чтобы позволить ей потухнуть из-за собственной глупости. Причем орал так, что об интересном положении Лидочки узнал весь театр. Но актриса уперлась и делать аборт отказалась наотрез. Разумовский в бешенстве пообещал, что отныне для нее двери в театр закрыты.

Лукиной в тот момент было все равно. Она устала от интриг и пакостей завистников, от козней, которые строили коллеги по театру, от сплетен и недоброжелательности – Лидочка задыхалась в этой атмосфере, жила словно под колпаком ненависти. Беременность казалась ей освобождением, выходом из удушливой черноты и возможностью наладить отношения с мужем, которые серьезно испортились после переезда в Москву. Решив рожать, она пыталась доказать мужу свою любовь и преданность. К ее удивлению, Антон вовсе не обрадовался перспективе стать отцом, напротив, пришел

в ярость и, как Разумовский, потребовал сделать аборт. Оказавшись меж двух огней, Лидочка впала в отчаяние, терзая себя вопросами. Неужели муж ревнует? Считает, что отец ребенка – Разумовский? Наслушался сплетен коллег-завистников, что, дескать, папашей может оказаться вовсе не он, а мэтр, и поверил в этот бред? Как он мог!

Через неделю Антон вдруг подобрел и извинился – жизнь вошла в свое русло. Лишь спустя время Лидочка поняла, что за ревность терзала супруга. Тот бесился из-за банального творческого неудовлетворения, злился, что супруга стала вдруг звездой. Злился, но терпел и не брезговал принимать подачки от покровителя жены. Когда Лидочка поругалась с мэтром и решила уйти из театра, Лукин банально испугался, что и его попрут вслед за супругой. Но случилась удивительная вещь! Неожиданно для всех Разумовский сделал его фаворитом и правой рукой.

Театр взорвало от эмоций. Народ пытался разгадать замысел мэтра и главную интригу. Ни для кого не являлось секретом, что особых талантов, за исключением смазливой физиономии, у Антона Лукина нет. Выдвигались версии одна нелепее другой. Кто-то поговаривал, что Разумовский поглубел на старости лет и увлекся мужем бывшей возлюбленной; другие уверяли, что пожилой режиссер вообразил себя благородным рыцарем и через мужа Лидочки поддерживает свою любовь. Никто и предположить не мог, что странный поступок режиссера – его изощренная месть Лидочке за

неразделенную любовь. Мэтр все просчитал и срежиссировал свою самую гениальную постановку.

Лидочка, как и все остальные, понятия не имела о замысле режиссера. По правде говоря, ее теперь мало интересовал и сам Разумовский, и театральные интриги. Беременность протекала очень тяжело. Мучительный токсикоз, от которого не удалось избавиться все девять месяцев, превратил стройную яркую женщину в мумию. Ребенок словно высосал из нее всю красоту и привлекательность. Лида катастрофически похудела, ее фарфоровое личико с когда-то нежным абрикосовым румянцем покрылось бежевыми пигментными пятнами, синие глаза потухли.

А вот роды прошли легко. Когда же Лидочке показали сыночка, от ее депрессии не осталось и следа. В материнство женщина нырнула с головой, расцвела, округлилась, но... вскоре вновь оказалась в темной яме безнадежности. Муж не проявлял к ребенку никакого интереса и старательно игнорировал жену. Робкие попытки Лидочки оживить их прошлую любовь окончились неудачей. Она чувствовала, что раздражает супруга. «Пройдет, так бывает после родов», – уговаривала себя Лукина, списывая охлаждение мужа на усталость и загруженность работой. Она терпела, тихо плакала в подушку по ночам и утешалась у холодильника чем-нибудь вкусным. Вкусное щедро откладывалось на Лидочкиных бедрах и животе, но молодая мамочка была так поглощена заботами о малыше, что собственная внешность

ее волновала в последнюю очередь. Она запланировала себе декретный отпуск до трех лет – раньше Сенечку в сад или ясли отдавать жалела. Родители Лидочки предлагали взять маленького Сенечку к себе, чтобы дочка могла вернуться в профессию, но та даже слышать об этом не хотела. Успеется, легкомысленно думала Лидочка. Да и они с Антоном сами в состоянии сынишку на ноги поднять. К тому же карьера супруга стремительно шла в гору. Его дебютный столичный спектакль произвел фурор, об Антоне Лукине заговорили серьезные критики, посыпались предложения из других театров, появились деньги.

Лидочка успехами мужа гордилась. Ей нравилось быть женой модного режиссера. Она надеялась, что теперь Антон перестанет ревновать ее к карьере, мучиться комплексами, и их брак снова станет счастливым, как раньше. Огорчало только, что супруг по-прежнему безразличен к маленькому Сенечке, ее все чаще оставляет одну, ложится спать на диване в кухне, а то и вовсе не приходит ночевать, рассказывая ей сказки о срочных репетициях.

Что за репетиции проводит Антон по ночам, Лидочка догадывалась, но на измены супруга смотрела сквозь пальцы. «Молодой, красивый, успешный мужчина, держать такого на привязи глупо. Пусть перебесится», – уговаривала она себя, стараясь быть мудрой женой и идеальной матерью. А по ночам по-прежнему ходила к холодильнику за вкусненьким, чтобы побороть глухую тоску и не сойти с ума от ревности

и обиды.

Как часто бывает, ее благородства Лукин не оценил. Все чаще он являлся домой под утро, нетрезвый, расслабленный, божемный, насквозь пропахший чужими духами. Ложился в постель, брезгливо отпихивая жену от себя, иногда отпускал неприятные шуточки по поводу ее располневшей фигуры и хохотал, называя Лидочку дойной коровой. Женщина в глубине души понимала – надо взять себя в руки, прийти в форму, и... запихивала в желудок очередной бутерброд.

Закончилось все довольно предсказуемо – Антон ушел из семьи.

Когда за мужем захлопнулась дверь, Лидочка вдруг поняла, что нисколько об этом не сожалеет. Напротив, даже счастлива. Сколько всего она передумала и пережила, а теперь – хватит с нее. Она устала чувствовать себя униженной и ненужной. Кончились три года мучений! Кончилась ее депрессия! Она давно не любит Антона, не переносит его одеколон, рубашки, джинсы, модные свитера, ненавидит стильную сумку через плечо из крокодиловой кожи, коллекцию раритетных виниловых пластинок, пыльные книги. Она ненавидит его!

Лидочка нарядилась в лучшее платье, достала из бара бутылку шампанского, включила музыку и закружилась в вальсе новой жизни.

В дверь позвонили.

Лидочка сделала магнитофон потише и выпорхнула в

прихожую. На пороге стояла стройная брюнетка с горящим взором Розы Люксембург и выдающимся шнопаком. В руке брюнетка держала аккуратный чемоданчик, обклеенный на старинный манер фотографиями киноактрис и актеров.

– А я фотки внутри клею, – не удержалась от комментария Лидочка, разглядывая посетительницу и ее поклажу.

– С ума сойти! Неужели вы и есть та самая Лидия Лукина? – с ехидной ухмылкой спросила носатая незнакомка.

– Да, это я. Чему обязана? – смущенно улыбнулась Лидочка. И спохватилась: – Что же мы в дверях-то... Проходите, пожалуйста! – Хозяйка шире распахнула дверь, пропуская гостью в квартиру.

Девушка вошла в крохотную прихожую, грохнула чемодан на пол, стянула ярко-красные вязаные перчатки, распахнула пальтишко с капюшоном и села на пуфик, прислонившись к стене спиной.

– Невероятно... – продолжая пялиться на Лидочку, вздохнула незнакомка. – Поверить не могу, что вы – бывшая жена красавчика Лукина и фаворитка мэтра. А я думала, в театре от зависти на вас наговаривают.

– Наговаривают?

– Ну, говорят, что вы после рождения ребенка превратились в жирную жабу.

– Что – простите? – изумилась Лидочка и пошла красными пятнами. Она, конечно, все прекрасно слышала, но просто ошалела от хамства посетительницы. – Послушайте...

Послушайте, вам лучше сейчас встать и уйти, – залепетала Лукина. – Иначе я за себя не ручаюсь. Иначе я...

– Вообще-то, наоборот, вам лучше сейчас уйти, – нахально ухмыльнулась гостя. – Иначе я позвоню Разумовскому, и он попросит кого-нибудь из своих помощников силой вышвырнуть вас отсюда вон. Теперь здесь жить буду я. Давайте решим дело полюбовно.

– А как же я? – окончательно растерялась Лидочка.

– Это ваши проблемы, – отчеканила носатая. – Запомнили, что данная квартира числится за театром? Разумовский вам и Лукину ее во временное пользование выделил. Антон отсюда выписался, теперь и вам пора честь знать. Впрочем, я человек добрый, поэтому дам вам пару дней на сборы и поиски нового жилья. У вас ведь ребенок, кажется, маленький?

Сенечка сам ответил на вопрос, громко заплакав в своей кровати. Лидочка метнулась к сыну, прижала малыша к себе и опустилась на диван, не понимая, что делать. Как быть? Куда идти с маленьким ребенком на руках? Переезжать ей было решительно некуда, а возвращаться домой, к родителям, – страшно неловко. Как она им в глаза посмотрит? Отец с матерью так старомодны, что не переживут развода дочери, со стыда умрут.

Ясно было, что носатая Роза Люксембург – новая муза мэтра. Наверняка уже побывала в его койке. Молодая, наглая и темпераментная. Когда-то и она, Лидочка, была горя-

чей и живой, яркой и желанной для тысяч мужчин. А сейчас... Сейчас она действительно жаба. Толстая и безобразная жаба!

Всю ночь Лида рыдала, жалуясь подушке на свои горести. Утром привела себя в порядок и побежала в театр – разыскивать бывшего покровителя. Не стучась, ворвалась в его кабинет... Картина, которая открылась ее глазам, настолько поразила, что Лидочка напрочь забыла, зачем пришла. На диване сидела вовсе не Роза Люксембург. Там сидел ее бывший муж с приспущенными штанами и блаженной улыбкой на лице...

* * *

Думать о Сенькиных комплексах и вообще о смысле бытия Терехину надоело. Он облокотился на прохладные перила и прислушался – тишина и безлюдность. «Не поздно ведь еще. Куда же все подевались?» – удивлялся, поглядывая то на свои круглые ходики, то в сторону станции метро и на пустой фуникулер, доставляющий граждан наверх. Желающих прокатиться больше не было. На набережной не осталось ни души, и ощущение возникло, что сейчас должно случиться нечто особенное, судьбоносное, но пугающее.

Николай Васильевич нервно почесал руку, стряхнул с себя оцепенение и зашагал к одиноко сидевшему на траве Лукину, продолжая почесываться. Сумасшедшая Москва и по-

ганая экология сделали его психом – стоило понервничать, как начиналась экзема. Странно, с какого перепуга сейчас-то началась? В душе, помимо ощущения приближающегося события, не было ни раздражения, ни злости. Разве что на друга Пашку. Обещал к восьми вернуться, но пропал. Пора и им с Сенькой валить отсюда. Обойдется поэтесса без портвейна, с вожделением подумал Терехин. «И без штампа в паспорте Галочка тоже обойдется!» – мстительно решил Ванька и зашагал выживать из нирваны товарища.

Лукина возвращать из глубоких дум не пришлось, тот сам вернулся. Маска Пьеро с его морды сползла, теперь физиономия подозрительно сияла и лучилась восторгом. Терехин от растерянности слегка притормозил и криво улыбнулся Сене, словно провожая его в последний путь. Лишь подойдя ближе, Ванька сообразил, что сияет Лукин вовсе не для него – Николай Васильевич обернулся и присвистнул. Следом за ним шагало длинноволосое создание дивной красоты.

Девушка шла так тихо, что создавалась иллюзия – она не идет, а парит над землей. Нимфа, богиня, диво дивное! Шелк золотых волос, белое платье на тонких бретелях, бронзовые плечи и ноги... Боже, какие ноги! Стройные, длинные, в серебряных греческих сандалиях. Под ремешками на щиколотке – татушка.

Богиня продефилировала мимо, даже не взглянув на окаменевших молодых людей. Ничего удивительного. Материальное положение и статус прелестного создания угадыва-

лись даже издали. Обычным смертным такая гламурная кралячка не светила, на ее красивом холеном лице ясно отражалось предназначение стать женой олигарха, дипломата или на худой конец иностранца.

Одно было непонятно: что такая нимфа делает на заповедной набережной Воробьевых гор в этот час? Нимфа тем временем уселась на фуникулер и поплыла вверх, на небеса, где ей и было самое место.

– Бли-и-ин... – суксился Семен, проводив красавицу трагичным взглядом.

– Ничего, будет и на нашей улице праздник! Вот увидишь, скоро все красавицы Москвы станут нам ботинки целовать и танец живота исполнять! – утешил товарища Ванька, отметив про себя, что вечно отмороженный Лукин впервые столь эмоционально отреагировал на представительницу прекрасной половины человечества. Впрочем, неудивительно – такая красота даже клинического импотента вряд ли оставит равнодушным.

– Угу. Ты тогда, как только, сразу скажи – я ботиночки начищу, – усмехнулся Семен, сотворив с мордой лица очередную метаморфозу, – теперь он походил на больного вшивого спаниеля.

– Я тебе сейчас говорю – станут! Спорим, что эта девочка-припевочка одной из первых бросится твои чеботы лобызать, когда мы озвездимся? – сказал Николай Васильевич и уставился на лукинские черные пыльные мокасины, страш-

ные, как китайская промышленность. – Однажды весной, в час небывало жаркого заката... – неожиданно прошептал Терехин.

Сеня вздрогнул и посмотрел на него как-то необычно интеллигентно, что было не свойственно его натуре. Николай Васильевич поправил свои элегантные круглые очки и покашлял в кулачок. На Воробьевы горы они пришли, когда солнце еще не село, – похоже, он перегрелся.

– Весь вечер начало этого романа в башке крутится. И вдруг ты... того самого... – сделал квадратные глаза Сеня. – Я в натуре чумею. Вот как сейчас подгребет к нам какой-нибудь... гы-ы-ы..

– Не каркай! – шикнул Терехин. Похоже, они вдвоем перегрелись. Или с голодухи мозги расплющило. – Пошли. Хлебникова я уже упарился ждать. Хрен с ним. Небось ватрушками тетки-профессорши обожрался и теперь переваривает, как удав.

– Не хлебом единым! – выдал Сеня и, вытянув шею, как гусь, обрадованно ткнул пальцем в направлении станции метро. – Да вон он чапает, наш мальчик. Кажись, кулек с провизией прет. Счастье-то какое на ночь глядя!

Счастье, утянутое в белые льняные портки, в распахнутой на груди рубашке, неторопливо катилось по набережной и волокло пластиковый пакет. Слово «катилось» как нельзя кстати подходило Павлу Хлебникову: избыточный вес, невысокий рост, круглое, как смазанный маслом блин, лицо с ма-

леньким носом-пипкой делали его похожим на колобка. Однако с легкой руки Терехина к нему прилипло другое прозвище.

Однажды после удачной сдачи экзамена, сидя у Терехина дома, Павлуша вдруг сильно разволновался из-за бедственного положения младенцев народов Африки. Ванька в свою очередь разволновался из-за неустойчивого эмоционального поведения друга. Подливая ему и себе пиво, он гладил коротко стриженный белобрысый ежик Паши и приговаривал: «Не грусти, мальчик мой. Анжелина Джоли позаботится о бедняжках». Хлебников кивал и на десять минут забывал о несчастных африканских детишках. Потом снова вспоминал и грустил, а Терехин опять его утешал. Так продолжалось всю ночь до утра, пока друзья не уснули.

Разбудил Ваньку телефонный звонок.

– Ну, как там наш мальчик? Все еще горюет о детишках Африки? – ехидно поинтересовался Лукин, который отбыл домой в середине ночи, одурев от их диалога с Павлом.

– Наш мальчик спит, – прошелестел Ванька и уронил голову обратно на стол, уставленный пустыми бутылками из-под «Балтики» № 9. С тех пор «Балтику» он не пил, а Павлушу величал нежно – Наш Мальчик...

В отличие от Лукина Хлебников комплексом неполноценности не страдал, лишний вес его не слишком беспокоил, он ни разу не предпринял попытки похудеть, кушал с аппетитом и никого не изводил нытьем по поводу несовершен-

ства своей фигуры. Постоянной девушки у Павлуши не было, непостоянной тоже, трагедии из этого Хлебников не делал и списывал неудачи на личном фронте на внешние обстоятельства. Он полагал, что главный для мужчины орган (интеллект) у него исправно работает и способен удовлетворить даже самую привередливую даму. Теория с практикой пока расходились, но Паша Хлебников не печалился. Главный его орган подсказывал ему, что все непременно срастется, когда он приплюсует к интеллекту материальный достаток и успешность. Их совместная пьяная идея: сделать философское реалити-шоу о неправильных людях, по мнению Хлебникова, не отличалась пафосом и гениальностью, напротив, казалась приземленной и самой обыкновенной, но к реализации он приступил, как и друзья, с воодушевлением. Мало того, продвинулся дальше всех: почти нашел спонсора!

Глава 3

ТРАГИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ КАЗИКА ХЛЕБНИКОВА, ИЛИ КАК СТАТЬ МИЛЛИОНЕРОМ

Павлуша Хлебников вырос в семье потомственных учителей: покойная бабуля была воспитательницей в детском садике, дед – заслуженный учитель СССР, мама – учитель химии в школе, папа – преподаватель физики в институте, тетя – профессорша. Возможно, если бы Павлуша родился в другой стране, то сейчас не жил бы в малогабаритной хрущевке, не носил шмотки из Лужи, не пил дешевое пиво, не подрабатывал разносчиком пиццы и зазывалой в кафе, не проводил бы лето в разухабистой деревеньке в Тверской области, где у семейства Хлебниковых родовое гнездо – сруб шесть на шесть квадратных метров в обрамлении покосившихся парников и старых яблонь. И, конечно, он не поступил бы во ВГИК, а выбрал бы престижную работу препода – если бы жил в Европе или Штатах.

Скупость к интеллигентам Павлуша родине не простил и помимо воли правильных до мозга костей предков пошел по скользкому и опасному пути сценариста. На Голливуд Хлебников не замахивался, ему просто страстно мечталось жить

в достатке, отдыхать на Кипре, в Таиланде или на худой конец в Египте, кушать в дорогих ресторанах, ездить на иномарке, баловать французскими пирожными красивых девушек, а после тридцати жениться на дочке какого-нибудь известного режиссера, переехать из Текстильщиков на Арбат, в крайнем случае на Юго-Запад, поближе к Тётемоте (так ласково он называл сестру-близняшку матери, по паспорту Матильду Ивановну Звонареву). Вполне себе уместные желания для молодого человека, выросшего в интеллигентной нищей ростовской семье.

Моте в отличие от сестрицы Катерины подфартило в жизни больше. Будучи дамой стремительной и оборотистой, в юном возрасте она удачно вышла замуж за пожилого вдовца-профессора, преподавателя истории КПСС, который от избытка эротических впечатлений помер через восемь месяцев после свадьбы. К счастью, перед тем как уйти в мир иной, он успел прописать молодую жену-аспирантку в своей просторной трехкомнатной квартире в высотке МГУ. Тетка, однако, не барствовала – все движимое имущество (мебель, книги, антиквариат, золото, деньги и столовое серебро) после смерти профессора подчистила его дочка. К слову, в отсутствие Моти. Консьержка вывозу антикварной посуды, югославских мебели и прочего профессорского барахла не препятствовала, а на возмущение Матильды сделала морду кирпичом и прикинулась валенком, дескать, ничего не видела, не слыхала.

– Гадины! – ругалась Мотя на консьержку и дочь профессора, но права качать не стала. Сидя на ворохе пыльных костюмов мужа, разглядывая потертые фолианты Маркса и Ленина, гнездившиеся на опустевших после нашествия падчерицы книжных полках, она упивалась одиночеством и ликвидала, что снова свободна для любви.

Любовь захлестнула ее внезапно, когда не отличающаяся особой прытью сестрица-близняшка наконец-то сподобилась вступить в законный брак со своим единственным бледным ухажером. Так, по мнению Матильды, выглядел жених Кати – светловолосый худосочный очкарик с белесыми бровями и вечной «дыркой» в кармане.

Знакомство с суженым случилось на «комсомольской» свадьбе, популярной во времена «сухого» закона. Мотя, разгоряченная выпитым портвейном «Три семерки», купленным, как говорилось, из-под полы, отчаянно втрескалась в стильный белый костюм с брюками клеш, греческий профиль, аккуратные усики, баки, темную шевелюру и угольные глаза. Обладателем сих достоинств оказался младший брат жениха. Избранника звали заковыристым именем Казимир, и Матильда, смакуя на языке звучание двух имен, своего и его, решила, что они определенно созданы друг для друга. Чувство оказалось взаимным. Закрутился головокружительный роман. Первое время Мотя летала в облаках от счастья, но при ближайшем знакомстве оказалось, что Казимир работает поваром в общепите, не имеет высшего образования,

не читает книг, а в компании больше молчит, не в состоянии поддержать разговор о высоком и вечном. «Зато добрый», – утешала себя Матильда, заглядывая в холодильник, где после знакомства с Казиком укоренились трехлитровые баночки с общепитовскими котлетками и винегретами.

Казимир комплексовал по поводу своего культурного несовершенства, поэтому не торопился делать Моте предложение.

В семействе Хлебниковых он был как бельмо на глазу. К ужасу предков, из школы Казика выперли после восьмого класса за неуспеваемость. Родители погоревали и решили пристроить Хлебникова-младшего в педучилище, но Казимир уперся рогом и подался в кулинарный техникум – получать профессию повара. Техникум он окончил с отличием, но сразу после обучения загребел в армию, где ему оченьгодились знания, полученные в учебном заведении. Все два года Казик отирался не на учебных полях сражений, а на кухне, сражаясь с тушенкой, перловкой и рыбой минтай. Вернулся Казимир не усохшим от физзарядки юношей, а розовощеким молодцом, устроился в ближайший общепит поваром второго разряда и начал таскать в дом продовольствие, подкармливая исхудавших от высокодуховности родственников котлетами по-киевски, пирожками с капустой и деликатесной нарезкой. Однако вместо похвалы получал от родни лишь моральные оплеухи и выслушивал нотации – близкие так и не смирились с его выбором.

Во время семейных посиделок Казик пару раз получал словесные «оплеухи» от Матильды, но если придирки родственников он принимал с сарказмом, то от любимой женщины – как удар под дых. Казимир сильно обижался и исчезал на несколько дней. Мотя, терзаемая угрызениями совести, его разыскивала, просила прощения, возвращала, и ее холодильник снова заполнялся до отказа общепитовским провиантом.

Однако окончательная размолвка Матильды с Казимиром случилась вовсе не из-за культурного неравенства. Просто Казик однажды, будучи слегка навеселе, перепутал попу Кати – жены брата, с задом своей возлюбленной Моти, чем сильно огорчил все семейство скопом. Инцидент случился в ванной комнате, где Катерина полоскала, низко склонившись, белье. Казимир подкрался сзади и нежно ухватил ее за ягодицы. Катерина завопила так, что на ее крики сбежался весь дом. Первой прибежала Матильда. Ошалевший Казик, узрев любимую в другом ракурсе, попытался оправдаться, но Мотя была непреклонна. Она влепила изменнику смачную пощечину и огорошила пламенной речью о настоящей любви: что, дескать, если чувство подлинное, то он обязан был ее узнать из тысячи тысяч. Потом на несчастного коршуном налетел брат, который, как оказалось, и раньше ревновал Казика к своей молодой супруге. Застигнув брата «на месте преступления», ослепнув от ярости, он сунул Казимиру в челюсть и потребовал, чтобы тот немедленно убирался

вон из квартиры, где, к слову, оба проживали на законных основаниях. В довершение всего Катя наконец-то захлопнула рот и опустила на голову несчастному тазик с бельем.

Казимир ушел и больше в родительскую квартиру не вернулся, даже вещи не взял. Когда страсти улеглись, всем стало дико неловко. Кинулись Казимира разыскивать, но след его оборвался на Ленинградском вокзале, где Казик сел в поезд и укатил в город на Неве, в то время звавшийся Ленинградом. Потом выяснилось, Хлебников-младший завербовался помощником кока на торговое судно, курсирующее в страны развивающегося социализма.

Родился Паша. И вырос. Но даже не подозревал о том, что у него есть родной дядька. История была так некрасива, что близкие предпочли ее забыть, и имя Казимира в семейной хронике не упоминалось. Дольше всех горевала Матильда – ждала возвращения возлюбленного пару лет. Потом выскочила замуж за в меру пьющего интеллигентного мужчину приятной наружности, инженера-конструктора. Но семейная жизнь не сложилась – конструктор после свадьбы оказался сильно пьющим грубым мужланом. Мотя с ним развелась и больше попыток наладить личную жизнь не предпринимала.

Прошло много лет. И вот однажды Пашина тетушка получила письмо из Америки, куда были вложены открытки с видами Майами и фотосессия Хлебникова у бассейна на фоне белоснежного особняка. В письме Казимир просил про-

стить его за побег и уверял, что всем, что имеет, – обязан Матильде и брату. Оказывается, плавая по морям-океанам, с тоски Казимир увлекся чтением умных книг и сошел на берег страны загнивающего капитализма образованным человеком. Вернув походке былую устойчивость, он поработал пару лет в американских питейных заведениях и решил открыть свой бизнес – небольшой рыбный ресторан. Дело пошло, вскоре у Казика появилась сеть дорогих модных сифуд-ресторанов, деньги и прочие блага. Одна беда – он по-прежнему был страшно одинок и смертельно скучал по семье и Моте, мечтал выписать все семейство в Майами. Само собой, за его счет.

Так Павлуша Хлебников вдруг обрел богатого американского дядюшку, а богатый американский дядюшка – племянника.

Собственно, сегодняшний визит Паши к Тётемоте имел двойную цель: разжиться пирогами и просканировать тетку на предмет возможного финансирования дядюшкой его с друзьями творческого начинания. В том смысле, чтобы теттушка просканировала дядюшку на сей предмет. Матильда в племяннике души не чаяла, относилась как к сыну, так как своих детей не нажила. Пашка рассчитывал, что тетя Мотя непременно ему поможет чуток растрясти бывшего возлюбленного, ведь отношения у них, пусть пока виртуальные, воспламенились с новой силой и развивались, как преждевременные роды, – скоро и бурно. Казик заваливал Мотю

любовными посланиями по Интернету, изводил звонками, а та вдруг укоротила длинные юбки, откромсала слегка поседевшую косицу, которую прятала в тугий пучок, покрасила волосы в каштановый цвет, сходила в солярий, выщипала брови и каждое утро, напялив старый спортивный костюм и кроссовки «Адидас», выходила на стадион, где отчаянно нарезала круги по беговой дорожке.

За три недели Тётямотя сбросила десять килограммов, помолодела на пятнадцать лет, но была решительно настроена похудеть еще на десять, чтобы впихнуться в вечернее платье, которое надевала когда-то на свадьбу сестры. Именно в нем Мотя мечтала упасть в объятия бывшего жениха и полагала, что наряд, в коем она когда-то сразила Казимира Хлебникова наповал, и сейчас должен произвести фурор. (По мнению Павлуши, напяливать на себя рухлядь столетней давности, дабы произвести впечатление на состоятельного мужчину, было верхом кретинизма, но переубеждать тетку он не стал.)

– Облом! – запыхавшись, доложил сейчас Павлуша, его круглое лицо выражало досаду.

– Пирогов не дала?! – завопили в голос друзья, не сообщив, о чем говорит Павлуша.

– Дала, но не пирогов, а... – Хлебников хотел некрасиво выругаться, но передумал и поморщился. – По полной программе она мне дала, – доложил он трагичным тоном. – Обозвала меня меркантильным сукиным сыном и сказала,

чтобы я больше о деньгах не заикался. Нет, вы прикиньте! Свою единоутробную сестрицу сукой обозвала! Строит из себя святую невинность, а сама...

– Какую еще сестрицу? Ты че мелешь, Ватрушкин? – взвыл Семен, плотоядно косясь на кулек в руках Хлебникова и принюхиваясь.

Ванька тоже подвигал носом и учуял: ватрушки с творогом, пирожки с капустой и бублик с маком.

– Сам ты Ватрушкин, Клюшкин, Вонючкин, Задрючкин! – не остался в долгу Хлебников, который терпеть не мог, когда его благородную фамилию коверкали столь примитивным образом.

– О, небеса! – театрально воздел глаза Николай Васильевич. – С кем я связался? С кем я собираюсь покорить вершины мира? Детсад, штаны на лямках! Сука – это мама Нашего Мальчика, Тётимотина сестра, – объяснил он Лукину.

– Да, моя мама! – с жаром подтвердил Павлуша, потряхивая пакетом.

Неожиданно он сделал резкий выпад вперед и рухнул на Лукина – пакет вылетел из руки, совершил в воздухе кульбит и спланировал в реку. Одновременно нечто темное просвистело мимо друзей с душераздирающим воем и кляксой растеклось на тротуаре в нескольких метрах от валяющихся на асфальте Хлебникова и Лукина.

– «Долго-долго крокодил море синее тушил и блинами, пирогами и ватрушками...» – прошептал Ванька, с тоской

проводящая взглядом уплывающие по течению Москвы-реки ватрушки и пирожки.

– «Пирогоми, и блинами, и сушеными грибами», – машинально поправил Лукин, вспомнив всем известное стихотворение. Затем с трудом стряхнул с себя тело Павла, соскребся с асфальта и, разинув рот, уставился на кляксу на тротуаре. Вернее – на кучу мерцающих юбок.

Из тряпья торчала голова с выбритыми висками и синими, красными и черными дредами – с одной стороны, а с другой высывались худые коленки, утянутые сетчатыми чулками. Голову создания украшала маленькая кожаная шляпка, словно прибитая к темечку гвоздем; тонкие руки были затянuty в атласные перчатки без пальцев; на шее красовалась гроздь черепушек; в ушах – кресты; в носу и губе – пирсинг. Синие глазищи в дикой черной обводке на фоне неестественно бледной физиономии казались инопланетными. Девушка выглядела как пришелец из космоса или визитерша из прошлого, если бы не ролики – обычные, из спортивного магазина, с которых, собственно, она и кувыркнулась на тротуар, сбив с ног Павлушу, лишив друзей ужина.

– Чума какая-то, – выдохнул Лукин.

Хлебников тоже, кряхтя и постанывая, поднялся, оценил обстановку и задумчиво почесал бритый затылок.

– Чума... – после продолжительной паузы крякнул он, кажется, впервые согласившись с Лукиным.

– Ты это, в Ночном дозоре случайно не служишь? – гогот-

нул Сеня.

— Судя по шмоткам и выбритым вискам, девочка — банальнейший гот, — деловито заключил Терехин, который первым пришел в себя. Ванька подошел к девице, рывком поднял ту на ноги — и что-то большое, круглое, упругое уперлось ему в живот.

— Где она? — нервно спросила неудачливая роллерша.

— Кто? — переспросил Терехин, усиленно соображая, с какой целью странная девчонка носит под платьем внушительных размеров арбуз или футбольный мяч.

— Дылда узкожопая! — уточнила инопланетянка, озираясь по сторонам.

Набережная по-прежнему была пустынна.

— Нет тут никого, — доложил Ванька, тоже оглядываясь.

— Упустила! — сквозь зубы процедила девица.

Неожиданно она отпихнула Терехина от себя, потеряла равновесие и, размахивая руками в атласе, аки птица, стала снова заваливаться на асфальт. Ванька ухватился за первое, что подвернулось, — падение замедлилось, инопланетянка шмякнулась на мягкое место, а в руке Николая Васильевича осталась узкая кожаная полоска от лифа ее платья.

Некоторое время все дружно, с открытыми ртами, пялились на расшнурованный корсет девицы и ее глубокое декольте. Ванька опять отмер первым, наконец-то сообразив, что за арбуз прячется под пышными юбками девицы с дредами.

– Ты чего, дура?! Какого хрена ты ролики напаялила, идиотка?

– Да, какого хрена, ты тут вообще... вообще ты тут... это самое... – подхватил Лукин за компанию.

– Полнейшее ку-ку, – покрутил у виска Павел.

Девушка шмыгнула носом.

– «Упал! Упал! – опять кричали с барки»... – неожиданно взвыла она.

Друзья вздрогнули, переглянулись и снова уставились на инопланетянку. Та продолжила с выражением муки на физиономии:

Рабочий, ручку тачки отпустив,
Показывал рукой куда-то в воду,
И пестрая толпа рубах неслась
Туда, где на траве, в камнях булыжных,
На самом берегу – лежала сотка.
Один тащил багор.
А между свай,
Забитых возле набережной в воду,
Легко покачивался человек
В рубахе и в разорванных портках.

Некоторое время на набережной стояла тишина. Кажется, даже птицы заткнулись. Ванька шумно выдохнул – он знал многих странных девушек, но даже предположить не мог, что в природе существуют такие идиотки.

Глава 4

ИДИОТКА НА РОЛИКАХ

– Блока цитируем, господибожемой, – вздохнул Терехин. – Еще одна поэтесса на мою голову!

– Кулютурный, значит? – хмыкнула девушка. А затем обратила свой взор на Павлушу и Лукина. – Не слышу аплодисментов!

Запахнуться бесстыдница не посчитала нужным, так и сидела, с неприлично обнаженной грудью. Дама вообще стыдливостью явно не страдала, потому как задранные до неприличия юбки она тоже поправить не соизволила.

Грудь у девицы была красивой. Номер три, на глаз прикинул Терехин. Но плотоядных желаний молодая особа не вызвала. Кому придет в голову вожелеть беременного кузнечика в балетной пачке? Да еще на роликах? Ванька хмыкнул про себя и продолжал размышлять. Интересно, она всегда была такой или это проявление токсикоза? Говорят, во время беременности дамы дурнеют. Правда, как-то слабо верится, что можно настолько подурнеть. Скорее, беременность ее украсила. Надо же, кто-то ведь осмелился трахнуть такое чудовище... Теперь понятно, почему на Воробьевых горах сегодня малоллюдно – чучело на роликах всех мирных граждан распугало в радиусе километра. В ее-то положении на

ролики залезла... Да еще с такими ногами. Как она их не поломала только, цапля пузатая?

Ваньке неожиданно стало жалко сумасшедшую, он подобрел и улыбнулся.

– Руку давай, непутевая в разорванных портках! Сильно ушиблась? Живот не болит? Голова не кружится?

– Отвали! – отмахнулась девица и попыталась встать сама. Не вышло.

– Дай руку, говорю, идиотка несчастная! – ласково сказал Ванька. – Нельзя тебе на асфальте в твоем положении. Не себя, так ребенка угробишь.

– Все когда-нибудь умрем, – пожала плечами девушка.

Взгляд ее стал печальным и торжественным одновременно. Она словно тащилась от ощущения, что смерть гладит ее по дредам костлявой рукой. «Да, я не ошибся, – решил Ванька, – девка – готка». Про субкультуру готов он, конечно, слышал и видел пару раз на Чистых прудах сборища ряженных придурков с бледными физиономиями, но так близко никогда с ними не сталкивался. Смерть, прогулки по кладбищам, депрессивная музыка типа Лакримозы и литература типа Анны Райс – у девицы на физиономии написано, что она все это обожает. Только беременность и ролики в голове у Ваньки как-то не вязались с мировоззрением готов.

– Дура! – вздохнул Терехин.

– Дебил какой-то пристающий, – не осталась в долгу девица. – Отвали уже от меня! – Со второй попытки она неук-

люже поднялась на ноги и с вызовом посмотрела на молодых людей.

– У тебя кровь из носа идет, – равнодушно заметил Ванька.

– Да? – удивилась девушка. Вытерла нос перчаткой, размазав кровь по бледной физиономии и став краше невесты графа Дракулы. Секунду стояла и разглядывала свои руки, потом внезапно посинела, закатила глаза и кулем осела обратно на тротуар.

Но Ванька и на сей раз успел подхватить ее в полете.

– Неваляшка, блин, какая-то... – прокряхтел он, с трудом укладывая куль из органзы и разноцветных дредов на асфальт – с каждым разом ловить это чучело огородное становилось тяжелее.

– Валяшка, – поправил друга Павел.

Терехин на шутку не обратил внимания – он во все глаза смотрел на девушку. Та не шевелилась, лежала, нелепо вывернув ногу, и была так бледна, что синева проступала даже сквозь слой побелки на лице.

– Эй! Эй, барышня, ты чего разлеглась? – Ванька потряс девушку за плечо – плечо было влажным и холодным. Терехина, напротив, бросило в жар – он вытер бисер пота со лба и снова вцепился в плечо девицы. – Блин, ты брось, вставай давай!

– Что с ней? – заплясал рядом Семен.

– Я чего тебе, доктор?! – заорал Ванька.

– Спокойно, Склифосовский, я же, это самое, просто спросил.

– А я просто ответил! – вспыхнул Терехин. – Без сознания она – не видишь! Не понимаю... Я совершенно точно ее поймал, она мягко упала. Похоже, что-то повредила, когда первый раз кувыркнулась. Может, головой шарахнулась об асфальт? Отек мозга ведь не сразу после удара по балде случается.

– Отек мозга? – икнул Сеня. – Ни хрена себе, сказал я себе!

– М-да, вечер перестает быть томным... – пролепетал Пашка. Светло-рыжие веснушки, щедро рассыпанные по его вечно розовым щекам, вдруг куда-то исчезли, словно их ластиком стерли вместе с румянцем.

Ванька стянул с себя олимпийку и подsunул под голову девушки, аккуратно поправил волосы и уложил руки вдоль тела. Что делать дальше, он не знал.

– Может, это самое, на газон ее перегрузим? – озираясь с опаской по сторонам, как нашкодивший ребенок, предложил Лукин. – Прохладно на асфальте лежать. Как бы не застудила... это самое.

– Физику в школе надо было лучше учить. Асфальт теплее, чем сырые трава и земля, – нравоучительно заметил Терехин. – Вообще лучше ее не трогать. Мы же точно не знаем, что с ней. – Ванька набрался смелости, взял девушку за запястье. – Пульс вроде есть. Но слабый.

– Врача бы ей... – робко предложил Пашка.

– Так чего ты стоишь? Давно бы уж позвонил! – нахмурился Терехин, немножко жалея, что здравая идея про врача пришла не в его голову. – Звони!

– Твою мать, я как чувствовал... – заныл Семен и закурил сигарету. – Чувствовал, это самое... Что, это самое, чего-нибудь случится...

– Успокойся! Ничего пока не случилось, ни это самое, ни то самое, – не удержался от колкости Ванька.

В данную минуту корявая манера Лукина выражать свои скудные мысли особенно бесила Терехина. Медлительность Хлебникова тоже – Павлуша судорожно шарил по карманам и кряхтел, лицо его снова стало красным и потным.

– Ну что ты возишься?! – не выдержал Ванька. – Звони в «Скорую»! Быстро звони, ё-мое!

– Если такой умный, сам бы и позвонил, – раздраженно пробурчал Павел. Наконец он выковырял из порток мобильник и хлопнул им себя по лбу. – Он же у меня сел! Еще у тетки дома!

– Тормоз! – одновременно воскликнули друзья, зашарив по своим карманам.

Ванька торопливо вытащил сотовый, но тут же сунул его обратно – Лукин уже деловито тыкал стилусом в свой коммуникатор. Друзья напряженно уставились на Семена. Лукин оторвался от дисплея и посмотрел на товарищей.

– Блин, я чего-то туплю. Как в «Скорую» звонить? Наби-

раю 911, но меня...

– Господибожемой! Дай сюда, урод! – Ванька вырвал коммуникатор у Семена, но сразу выронил его, и сотовый шлепнулся на асфальт. Корпус разлетелся на части, в ладони остался лишь стилус.

– Сам урод! – заорал Лукин, присел на корточки, сгребая остатки телефона в кучку. – Такую вещь изувечил – ыыыыыы! Сволочь!

– Только не плачь, завтра купим тебе мяч, – съязвил Ванька. – Блин, ты чего, телефон на вьетнамском рынке купил?

Семен набычился и медленно встал с колен. Намерения у него в глазах читались вполне определенные – съездить Ваньке по физиономии за смертельное оскорбление. Своим коммуникатором он очень гордился и всем втирал, что дай-с ему аж из самих Штатов притаранил родственник-дипломат. Хорошо хоть не Вуди Аллен. Да, Сеня любил чуток приврать, всем было известно, что никаких дипломатов среди родственников у Лукина не наблюдалось.

– Я свой сто раз ронял, и ничего, – попытался оправдаться Ванька. И для наглядности швырнул мобильник на асфальт. Сотовый с глухим стуком шмякнулся о тротуар, завертелся юлой, но выжил. – Вот! Царапина только на корпусе, и все, – гордо доложил Терехин, протягивая на ладони свою мобилу Семену.

Данное обстоятельство еще больше разозлило Лукина, он схватил Ванькин телефон и снова швырнул его на асфальт

– аппаратик ударился о бордюр и со звоном разлетелся на части.

– Ну ты козел! – заорал Ванька и схватил Сеню за грудки. Вспыхнувший конфликт потушил Пашка.

– А вдруг она рождает? – прошептал он загробным голосом.

Друзья вздрогнули и с ужасом уставились на живот девицы, задрапированный балетной пачкой, – принимать роды на набережной никому не хотелось.

– Рожают обычно громко, а эта тихо лежит, – авторитетно заметил Терехин. – Но вполне может. – Он собрал разлетевшиеся части мобильного и принялся остервенело давить на кнопки. – Работает, только блокировка не снимается. Заклинило на фиг. Свинтус психованный! Точно – урод! Связи нас лишил! Как мы теперь врача вызовем?

Лукин виновато топтался на месте, разглядывал свои мокасины и бурчал что-то невнятное себе под нос.

– Может, поискать телефон у дамы? – с надеждой спросил Пашка.

– Хоть один человек думает мозгом, а не задницей! – оживился Терехин и стал интеллигентно обыскивать девушку.

Надежды не оправдались – мобильного у инопланетянки не оказалось, только мп3-плеер.

– Она что, с луны свалилась? Как можно в наше время без телефона жить? – озадачился Ванька.

– Я же говорил – началось! – торжественно заключил Лу-

кин.

– Типун тебе на язык дурной, оракул местного разлива, – буркнул Ванька.

– Что началось? – шепотом переспросил Пашка, с удивлением глядя на Лукина, который отчего-то не обиделся, а просиял, словно товарищ сказал ему комплимент.

– Так, не фиг время терять! – скомандовал Терехин. – Понесли ее в метро. Там вроде доктор должен быть. В крайнем случае менты вызовут. Давайте, ребятушки, дружно – взяли!

* * *

Хрупкая с виду девица оказалась тяжелой, как бегемот, поднять ее даже вдвоем оказалось непросто. И через несколько метров инопланетянка снова оказалась на асфальте.

– Блин, я в шоке! На фига, мы, это самое, прем то, что можно катить? – вытер пот со лба Сеня.

– Она тебе что, телега? – разозлился Терехин.

– Телега не телега, но у нее же колеса есть, – заступился за друга Пашка.

– Ладно, – смиростивился Ванька. – Дубль два! Паш, закидывай одну ее руку себе на шею, Лукин, ты бери ее под другую, а я... я буду сзади страховать.

Конструкция вышла не слишком устойчивая, давала крен то влево, то вправо, но все же катить беременную готку ока-

залось действительно легче, чем нести. Справились минут за десять, но уперлись в крутую лестницу – дальше пришлось поднимать девушку на руках.

Наверху, у дверей подземки, друзей ждал очередной сюрприз. Стало ясно, почему народ бодро усвистел с набережной, как только солнце стало клониться к закату. Никакой мистики – станция метро «Воробьевы горы» с некоторых пор по техническим обстоятельствам закрывала свои гостеприимные двери в восемнадцать ноль-ноль! Работал только вход с другой стороны метромоста, куда добраться с тяжелой ношей было практически нереально.

– Всё! – повалился на прохладный гранит Ванька. Вслед за ним, усадив у дверей метро готку, посыпались товарищи. – Блин, какие мы идиоты! Надо было кому-то одному метнуться за помощью наверх, а не тащить сюда девушку. И время потеряли, и силы.

– Давайте ее обратно отнесем и в фуникулер загрузим? – вяло предложил Хлебников, сдувая каплю пота с носа. – Привяжем чем-нибудь, и все дела.

– Гениально! – Лукин вскочил и запрыгал от восторга, как бешеный макак.

– Ага, очень умно, – скривился Трехин. – Мы ее так-то поднять с трудом можем, а ты предлагаешь вдвигающийся подъемник закинуть. А вдруг она оттуда навернется? Кто ее с земли будет соскребать вместе с нерожденным младенцем? А как мы ее снимем с фуникулера? К тому же он не работает

уже. Закрылся. Как раз после того, как длинноногая фея в сандалиях воспарила в небеса.

– Значит, она на фуникулере укатила? – слышался ехидный женский голос.

– Очухалась! – выдохнул Терехин и потер грудь в районе сердца.

Лукин дебильно гоготнул, Хлебников глупо улыбнулся.

– Фея, блин... Фу, пошлость какая. Меня сейчас стошнит! – Девица сплюнула себе на юбку и сморщилась. – Почему все мужики такие дебилы? Если хотите знать, феи выглядят не так. Они глазастые, носатые, сутулые и не бреют ноги. Волосы у них, как у младенцев, торчат ирокезом, а на затылке плешь. Это потому что без солнца с рождения живут, а без солнца рахит начинается.

– Я же говорил, что она башкой шарахнулась об асфальт! – радостно заключил Ванька. – Солнышко ясное, как чувствуешь себя? Головка сильно бо-бо?

– Прекрасно я себя чувствую. Крылья только побаливают. Не могли, что ли, аккуратнее меня волоочь? Все подмышки растянули. А вообще прикольно так, попутешествовали, – хихикнула девица. – Давно я так не веселилась.

– Дура! – заорал Терехин, вскочив на ноги. – Ты что, сознание не теряла?

– На пару минут отъехала. У меня от вида крови крышу сносит. – Девушка стянула перчатки, испачканные кровью, смяла и выкинула в урну. – А потом я решила дать вам шанс

спасти свою душу. Салфетка есть у кого-нибудь? Сумку в тачке оставила.

– Жесть! – Хлебников хрюкнул не то от радости, не то от возмущения.

– Да я тя щас урою, коза готическая! – возмутился Лукин. Сжал кулаки и, потрясая ими, двинулся на девушку. – Да я тя щас...

– Подумаешь, уж и пошутить нельзя. Я чуть от смеха не описалась, когда вы прикидывали, как меня на фуникулер грузить будете. Вот приколы! – Готка заливисто расхохоталась. – Ладно, пардон. Сама не знаю, что на меня нашло. Отвернитесь, плиз, до кустов я не дотяну.

Лукин с Терехиным, как по команде, развернулись к девице спиной. Пашка, который встать не успел, потому что не мог из-за одышки, развернулся, сидя на мягком месте.

– Блин, засада! – озадаченно сказала девушка. – Ролики помогите кто-нибудь снять, а... Пузо мешает. В них никак присесть не получается, а беременным женщинам терпеть вредно.

– Сама свои ролики снимай, я тебе не нанимался! – рявкнул Ванька. – И вообще вы как хотите, а я поехал домой. Гуд бай, май дарлинг.

Терехин махнул ручкой и зашагал вниз по ступенькам. Лукин припустил следом, одарив деву многозначительным взглядом.

– Да, сама справишься, – смущенно сказал Хлебников, ко-

торый наконец-то сумел подняться. – Погодите, ребята! Я с вами! – заорал он во всю пасть. Остаться наедине с сумасшедшей беременной готкой ему было страшно.

– Какие обидчивые все, боже ж мой... Ну и валите, без вас обойдусь! – закричала девчонка вслед. Но ее голос вдруг сорвался на фальцет: – Ой, мальчики! Мальчики! Мамочки!!!

– Чего это она так странно орет? – переглянулись друзья – ответ не заставил себя ждать.

– Рожая!!! – разнеслось над набережной.

– Твою мать... – печально вздохнул Терехин.

Он побежал обратно вверх по лестнице, к метро. Лукин с Хлебниковым поскакали следом.

Готка довольно быстро спускалась им навстречу, босая и испуганная.

– Хотя вроде мне еще рано, но живот сильно болит, – пожаловалась девушка. Затем вручила Ваньке ролики и ключи с брелком «БМВ». – У меня около смотровой площадки машина припаркована. Там остались телефон и документы. Я торопилась и сумку забыла взять. Все равно ведь наверх намылились, если не в лом, проводите меня туда, пожалуйста, – хмуро попросила она. Вежливость явно давалась ей с трудом. – Не дрейфьте, сама дойду. Просто стремно одной лазить в темноте по горам. Рожу еще, как кошка, в кустах где-нибудь.

– Не в кустах, а на экологической тропе. Это ж круто! – пошутил Лукин, все еще злясь на идиотский розыгрыш.

– Рожать я собираюсь в воду, – доверительно сообщила готка.

– Да хоть в песок, как черепаха! – хмыкнул Терехин. И вздохнул: – Ладно, пойдем, юродивая. Замерзла? Не дождавшись ответа, он набросил девушке на плечи свою олимпийку и попытался взять ее под локоток. Готка нервно высвободила свою руку.

– Что за мода такая фуфельная? – скривилась девица, запахнувшись плотнее и неуклюже засеменила по лестнице вниз.

Глава 5

КОГДА КАЖЕТСЯ, КРЕСТИТЬСЯ НАДО

На экологической тропе было так же пустынно, как на набережной. Ванька озадаченно озирался по сторонам. Удивляло, что в столь теплый летний вечер никто не гуляет с собаками, не пьет пиво на детских площадках и не обжимается на лавочках. А он-то надеялся взять у кого-нибудь мобилу и вызвать наконец-то «Скорую». Страстно хотелось поскорее избавиться от беременной идиотки и забыть о ней навсегда.

Готка шла впереди, немного прихрамывая. Иногда останавливалась, потирала поясницу, пыхтела, чуть слышно стонала и шла дальше. С каждой новой ее остановкой, вздохом, стоном у Терехина сердце сбивалось с ритма все сильнее, а мозг стекленел и выдавал такие пугающие миражи, что отказывали ноги. Ужас от перспективы стать акушером накачивал на Ваньку, как цунами, закручивал душу в пружину, морозил руки и колени, охлаждал лопатки.

«Сейчас она родит прямо тут, а ты будешь принимать роды», – пугал себя Терехин. Надежды на друзей никакой: Лукин слишком эмоционален, удерет с перепуга, Пашка – тормоз, будет стоять столбом, смотреть, как лезет младенец, и морщить единственную извилину мозга. Да он и сейчас от-

стал от процессии, плетется далеко позади, «цветочки нюхает». Семен, напротив, шел с прискоком, постоянно наступая своими чеботами Ваньке на пятки, чем бесил несусветно.

Лукин в очередной раз наступил Терехину на кед, Ванька обернулся, чтобы сказать Семену все, что он о нем думает, и... О, чудо! В их сторону бодро шагал мужик с собакой. Терехин оживился и, когда мужчина поравнялся с ними, открыл рот, чтобы выклянуть мобилу. Но готка его опередила:

– Не напрягайся, в больницу я не поеду. Рожать буду в ванной.

– Да хоть в туалете! – сдохмил Ванька, с грустью проводив взглядом удаляющуюся фигуру с собакой.

Впереди их ждал новый аттракцион – крутой подъем по лестнице с бесчисленными ступенями. Казалось, прошла целая вечность, прежде чем они вскарабкались наверх и оказались на улице Косыгина.

Ванька, вдохнув полной грудью, наконец-то расслабился. Здесь, наверху, в нескольких метрах от смотровой площадки, кипела жизнь, все блестело от света фонарей, шуршали по асфальту машины, прогуливались люди, носились с ревом байкеры – цивилизация. С души словно камень свалился.

Доковыляли до «Олимпа» не все – по дороге где-то потерялся Павлуша. «Верно говорят: жрать много вредно», – мстительно подумал Ванька, протирая вспотевшие очки манжетой рубашки. Лукин завалился на траву и лежал, рас-

кинув руки и высунув язык.

– Вот и пришли! – запоздало отреагировала готка.

Выглядела она довольно бодро, улыбалась и шурилась. Правда, смотреть на нее было страшно. Белила на ее физиономии смешались с подсохшей кровью из носа, помада размазалась, один глаз потек – ну, прямо недобитый босоногий Арлекин в балетной пачке и с пузом. Ванька нервно хихикнул, глядя на мрачно-пугающий вид девицы. Прохожие поглядывали на них с ужасом и ускоряли шаг, но Терехина это не смущало, а веселило. Его вообще все вокруг радовало.

– Я тачку бросила вон там. – Девушка указала рукой в направлении церкви, сняла олимпийку и вернула Ваньке, тот отдал ей ролики, пошутив:

– Надеюсь, в роддом ты их с собой не возьмешь?

– Я же сказала, что рожать буду в воду! Ребенок должен сразу попасть в естественную среду, чтобы стресса у него не было, – немного раздраженно пояснила девушка, разглядывая свои роликовые коньки, словно видела их впервые в жизни. – Ладно, мерси, что проводили. Я пойду? – Девица пылливо посмотрела в глаза Терехину, словно спрашивая у него поддержки.

– Иди, родная, иди! – разрешил Ванька и широко улыбнулся, вполне искренне. Освобождение от готки было так близко, что та перестала его бесить. Он даже поймал себя на мысли, что привык к ее «неотразимости».

– Аривидерче и счастливого разрешения от бремени! –

подавал голос с земли Сеня и заржал во всю пасть.

Готка на остроту не отреагировала, а все еще тарасилась на Ваньку и уходить не торопилась.

– Здесь рожать собралась? – не выдержал Терехин. – Езжай уже, детка. Не испытывай судьбу.

– А уже все! – Готка погладила себя ладошками по пузу.

– Родила? Или все рассосалось? – заржал в очередной раз Лукин.

– Ложная тревога, – пожала плечами девушка. – Схватки не настоящие. Наверное, я слив объелась. Когда сливы ем, то...

– Милая, избавь нас, пожалуйста, от физиологических подробностей! – взмолился Ванька. – И иди уже! Иди!

Девушка сделала пару шагов и обернулась.

– Может, вас куда-нибудь подбросить? Так сказать, в качестве компенсации за моральный ущерб.

Ванька уже открыл рот, чтобы послать готку куда подальше в более понятных выражениях, но услышал за спиной шуршание кустов и радостный вопль: «Да!»

– О, Наш Мальчик нарисовался! – гоготнул Лукин и замер, глядя на товарища с изумлением.

Видок у Хлебникова был, мягко говоря, странный. Одежда грязная и мокрая, на лбу внушительная шишка, щеку украшают свежие царапины.

– Ты где шляется, чудовище? – ошарашенно спросил Семен. – Что вообще с тобой такое?

– В ключ упал, – криво улыбнулся Хлебников.

– Угу, упал в ключ и шибко стукнулся головой о замок, – тяжело вздохнул Сеня. – В какой, на хрен, ключ ты упал?

– В родниковый, даун! – не остался в долгу Хлебников. – Под памятником. Там, где Герцен и Огарев клялись друг другу в вечной дружбе. Попить хотел.

– Они что, геями были? – заинтересовалась готка.

– Почему? – в один голос удивились друзья.

– Нормальные мужики разве будут клясться друг другу в дружбе ночью в лесу?

– Так... – Запас интеллигентности на сегодня исчерпался у Ваньки до дна, он набрал в легкие воздуха и в очередной раз собрался послать девицу лесом в ночь. Но та миролюбиво похлопала его по хребтине:

– Какие-то вы дебилы, правда. Ну совершенно шуток не понимаете. С чувством юмора у вас полный трендец! Нельзя так жить, ребята. Ладно, проехали и поехали. Кто со мной? Быстрее соображайте! Некогда мне! – рассердилась готка.

Предложение было заманчивым: денег на такси нет, до метро далеко, на автобусе от Воробьевых гор до Филей не доедешь. Но Ванька вдруг впал в ступор.

Пашка отреагировал первым – стряхнул со штанов прилипший одуванчик, оправил рубашку и встал по стойке «смирно».

– Лично вы как хотите, а я воспользуюсь любезным приглашением девушки. Меня в таком виде в общественный

транспорт не пустят, а первый встречный мент в обезьянник упечет. Предки мой внешний вид тоже вряд ли одобряют, – жалостливо глядя на Ваньку, намекнул Хлебников. Ванька сделал вид, что намек не понял. – Николай Васильевич, может, к тебе? – тогда в лоб спросил Хлебников и сотворил на лице печаль. – Предки достанут до печенок вопросами и потом нотациями. Ты же знаешь, какие они у меня.

– Ладно, – сдался Терехин, скривив физиономию. – Все равно ведь собирались продолжить банкет.

– О, майн гот! Только я тут пригнулся... – Лукин со скрипом поднялся с травки, пожевывая сигарету и сухую травинку одновременно. – Как звать-то тебя, дитя ночи? – вздохнул он. – Меня Семеном. Грязный монстр – Пашка. А это...

– Николай Васильевич я, – вяло назвался Ванька. И смутился – странно было произносить вслух собственное прозвище.

– Кристина Руслановна, – хмыкнула готка и вразвалочку пошлепала к машине.

Со спины она походила на циркового пингвина, которого обрядили для представления. Занятно, наверное, пингвин в кожаной шапочке будет смотреться в «бэхе», решил Ванька, вспомнив брелок с буквами «BMW». Он пропустил друзей вперед и теперь плелся позади всех – из принципа.

Кристина, однако, подвела их вовсе не к черной бээмвухе, как думал Ванька, а к «Mini» – убогой любимице гламурных девиц. Правда, это была не обычная «Mini», и выглядела

машинка вовсе не гламурно – ее черные полированные бока украшала странная аэрография.

Вокруг машины уже прыгали Лукин и Хлебников, разглядывая чудо со всех сторон.

– Пошлость какая, вампирш на тачках рисовать, – не удержался от комментария Ванька.

– А небритую морду кубинского революционера на груди таскать и отбирать олимпийки у спортсменов – не пошло? – не осталась в долгу Кристина. Затем достала из багажника армейские ботинки и уселась на переднее сиденье. – К слову, это не вампирша, а Персефона – богиня загробного царства, – доложила девушка, кряхтя и постанывая – обуваться ей мешало пузо.

Ванька рыпнулся было помочь, но в последний момент передумал. Хватит рыцарства на сегодня. Пусть сама ботинки свои шнурует, дура безбашенная. То ей ролики сними, то ботинки надень... Ужина лишила... Поприкалывалась над ними, как над лохами... Обойдется!

– А по мне, так очень даже здорово, – льстиво отозвался Пашка, который все еще бродил вокруг машины. – Гораздо лучше, чем акулы хари, пантеры, дельфины или, прости господи, цветочки. Тут недавно вообще видел страшилище – розовую «бэxu» в горошек. – Меня чуть не стошнило.

– Ага, точно, тошнотная тачила. И владелица такая же коза безмозглая. Я ее знаю. Носит все розовое и блестящее. Беее... – Кристина скорчила морщину.

«Да она еще ребенок совсем! Лет девятнадцать от силы, – подумал Терехин, которому в мае стукнул двадцать один год. – Отсюда и безбашенность, дурачество и увлечение культурой готов». А девушка, вращая на пальце брелок, обиженно продолжила:

– Мою «бэху» после аварии родичи конфисковали, – скорость, видите ли, не умею контролировать. А ведь я была не виновата! Взамен купили мне эту хрень на колесах. Пришлось ее хоть как-то в божеский вид привести. Мой эскиз, кстати, – ненавязчиво сообщила Кристина и завела мотор.

Лукин воздержался от комментариев и молча впихнулся на заднее сиденье, хотя по роже было видно, что он под сильным впечатлением от аэрографии и тачкой восхищен.

Ванька почему-то сильно разозлился. Его вообще все достало! Если бы не Пашка, он пешком бы до дома дошел, лишь бы эта отмороженная Кристина со своим загробным миром, с пузом-арбузом и отсутствующим мозгом как можно быстрее навсегда исчезла из его жизни. Да и друзей хотелось послать вслед за Кристиной. Остаться бы наконец в одиночестве, залезть в горячую ванну и напиться. Слишком эмоционально-насыщенным вышел вечер, требовалась разрядка. С другой стороны, пить в одиночестве Терехин не любил. И повода выгнать товарищей у него не было. Все равно не уйдут. Вот если бы к нему на огонек заглянула какая-нибудь богиня, то предлог нашелся бы весьма уважительный...

Мелькнула мысль скинуть эсэмэску старой знакомой с на-

меком. Ванька уже полез за телефоном, но вспомнил, что сволочь Лукин раздолбал его мобилу. И этого хрюнделя он должен поить заныканным для Галочки портвейном? Терехин скрипнул зубами. Нет уж, дудки! Как только доберутся до места, отмоют Пашку, он отправит товарищей ко всем чертям.

В дороге раздражение усилилось. Машину сумасшедшая готка вела так, словно стремилась как можно быстрее попасть в царство той самой Персефоны, изображенной на ее коробке с колесами. Может, она туда активно стремилась, но у Ваньки были другие планы. Представить страшно, как она каталась на скоростной тачке. Неудивительно, что «БМВ» разгрохала. Дура! Идиотка несчастная! Зараза придурочная!

Благо ехать предстояло недолго, по ночной Москве от Воробьевых гор до Филей он обычно добирался на «извозчике» минут за пятнадцать. Сумасшедшая Кристина ухитрилась домчать их до места за семь.

Она припарковалась у подъезда и выбралась из тачки вместе с одуревшими молодыми людьми. Лукин пучил в ужасе глаза, Пашка часто моргал и странно пританцовывал, а Ванька забыл, что собирался послать Сеню с Павлушей домой.

Кристина величественно окинула взором притихших друзей и широко улыбнулась. Терехин вспотел и отпрянул от нее, как от чумы. Как же он сразу не заметил, что у девки во рту клыки?

– Круто! – отмер Семен, невежливо тыча пальцем девуш-

ке в рот.

– Спасибо, – обрадовалась готка. – Если хочешь, могу координаты отличного протезиста дать. Только, правда, он берет дорого. Ой, слушайте, ребята, можно, я к вам загляну? Мне в туалет надо. Зря я все-таки сливы жрала... – Кристина умоляюще посмотрела на Ваньку и затанцевала на месте.

Удивительная девушка, откровенна до неприличия.

– Беременным терпеть вредно, – напомнила она на всякий случай, уловив в глазах Терехина сомнение.

– Ладно, пойдем, – обреченно кивнул Ванька. – Умоешься заодно.

Кристина выудила из багажника винтажный кожаный сак-вояж и направилась к подъезду.

Жить, что ли, у меня собралась? – рассеянно подумал Ванька. И поплелся вслед за некультурной девицей.

Настроение окончательно испортилось.

Глава 6

ОТДЕЛЬНАЯ ЖИЛПЛОЩАДЬ

В отличие от своих друзей, не имевших собственного угла, Николай Васильевич был счастливым человеком — он владел отдельной московской жилплощадью. Поэтому все попойки, тусовки и гулянки происходили у него.

Однокомнатная квартира досталась Терехину в наследство от троюродной бабки Софьи Никитичны Бурмистровой. Случилось сие радостное и одновременно скорбное событие год назад, но до сих пор Николай Васильевич не мог поверить своему счастью, которое неожиданно-негаданно свалилось на его голову.

Нрав старушка имела прескверный и на склоне лет ухитрилась переругаться в пух и прах со всеми своими близкими — с дочерью, братом, зятем и двумя племянниками, а потому прозябала в гордом одиночестве, отягощенном манией преследования. Софья Никитична полагала, что родственники хотят бедняжку прибить, дабы завладеть ее жилплощадью. И в отместку негодяям решила отписать квартиру не им, а единственному человеку, которому доверяла, — доброму и порядочному мэру Лужкову лично, в благодарность за надбавку к пенсии и заботу о столичных дорогах. Настроена старушенция была весьма решительно, но, так как опасаясь

лась выходить на улицу и никого не впускала в квартиру, за исключением соседки, снабжавшей ее продуктами, и почтальонши с пенсией, завещание на дядюшку-мэра она так и не оформила.

Знакомство Терехина с Софьей Никитичной случилось четыре года назад. Ванька только прибыл в Москву и явился к родственнице выразить ей свое почтение. Старуха его даже на порог не пустила и, не смущаясь, обозвала несчастного парня голожопым оборванцем. В общем, при жизни Бурмистрова не отличалась мягкосердечием и распивать с ней чай у Терехина желания после не возникало.

В тот судьбоносный вечер, год с небольшим назад, Николай Васильевич появился у дома на Филях случайно, но очень вовремя. Что подвигло его на столь сомнительное мероприятие, Терехин помнил смутно. С трех часов пополудни он пил с друзьями в кафе с загадочным названием «Бегония». Кафе располагалось неподалеку от дома Софьи Никитичны, что очень сильно действовало Терехину на нервы. После пятой пол-литровой кружки пива нервы у Николая Васильевича окончательно расстроились, и его понесло на подвиги. В груди Ваньки клокотало колкое чувство прошлой обиды, вот он и спер в кафе кактус с подоконника, а затем и явился к дальней родственнице, дабы торжественно его вручить.

Дверь никто не открыл. Терехин потоптался на лестничной клетке, в отместку напрудонил на бабкин половичок и

с чувством выполненного долга собирался отчалить. В этот момент из квартиры слышались старческое кряхтение и стоны. Николай Васильевич слегка протрезвел, вызвал «Скорую» и спасателей.

Вскрыли дверь, бабу в тяжелом состоянии транспортировали в больницу с диагнозом перелом бедра, двух ребер и ключицы – несчастная поправляла карниз и грохнулась со стремянки. Умирать Софья Никитична, однако, не планировала, мириться с родственниками тоже. Испытав к Ваньке внезапное благоговение, как к спасителю и мессии, она предложила сделку: Терехин станет ее сиделкой, а в благодарность она отпишет ему квартиру. Ванька пригорюнился. Предложение казалось заманчивым – слоняться по чужим углам и общагам надоело до зубовного скрежета, но ухаживать за лежачей больной, к тому же за столь вредной старухой, дело хлопотное и опасное. Опасное, потому как Ваньке отчаянно не хотелось брать на душу грех. Он успел тесно пообщаться с бабушкой от силы неделю, а внутри все звенело от раздражения. Терехин опасался сорваться и бабушку прибить. В мозгу Николая Васильевича то и дело воскресали трагедии Шекспира. Софья Никитична живописно представлялась ему в ролях мертвых Офелии и Дездемоны. Не дай бог, нервы сдадут после очередного закидона подопечной. Что тогда? Размышляя о последствиях, Николай Васильевич переключал воображение с Шекспира на Достоевского.

Переживаниями Терехин терзался неделю, пока мамуля не помогла принять решение, насев на сына нехилым пятидесятикилограммовым авторитетом и внушив, что другой перспективы обзавестись собственным жильем в столице ему никогда не представится. Мамуля также пообещала в случае чего приехать на помощь. И Ванька сдался, настроился на патронаж. Но ухаживать за старушенцией не пришлось: буквально на следующий день после того, как в больнице побывал нотариус и была оформлена сделка, Софья Никитична скончалась от сердечной недостаточности. Это было так странно! От ощущения, которое Ванька испытал в тот миг, когда узнал о кончине бабки, ему до сих пор делалось не по себе. Радость была настолько сильна и неуправляема, что, опомнившись, Терехин расплакался от омерзения. Человек умер, а он испытывает облегчение и счастье только потому, что не пришлось выносить горшки, менять грязное белье и смазывать мазями пролежни. Человек умер! Человек! Как страшен этот мир...

Человек умер, и Ванька стал законным владельцем просторной однокомнатной квартиры на Филях – с потолками в три метра, окошком между кухней и ванной, газовой колонкой, унитазом со сливом на цепочке и старомодными, выкрашенными белой масляной краской встроенными шкафами в прихожей. Разглядывая свои владения, Терехин кожей чувствовал, как переполняет его счастье. Однако он даже представить не мог, что ждет его впереди.

Узнав о завещании, родственники пришли в ярость и чуть не закопали несчастного парня по соседству со старухой. Угрозы, судебные тяжбы, клевета... Они пытались доказать незаконность сделки, невменяемость старухи на момент оформления завещания, даже обвиняли Терехина в убийстве Софьи Никитичны. С другой стороны его обрабатывала мама — чтобы не вздумал отказаться от квартиры. Поначалу Ванька чувствовал себя виноватым, что захапал чужое. Особенно было жалко дочь Софьи Никитичны. Немолодая, нервная, усохшая от жизненной безнадёги дама ютилась с мужем и детьми в малогабаритной хрущевке где-то на окраине города. Однако, прожив год, как в аду, познакомившись короче с близкими родственниками усопшей, Ванька так люто возненавидел все ее семейство, что перестал терзаться и успокоился. За квартиру он заплатил сполна испорченной кровушкой и нервами. К счастью, его наконец оставили в покое. Лишь изредка наведывался престарелый братец Софьи Никитичны. Визит происходил по одному сценарию: дед колошматил кулаками по дерматиновой обивке двери и обзывал Ваньку гадкими словами. Побузив минут десять, утихал и робко просил рублик на лекарство. Терехин выдавал ему пузырек медицинского спирта. Засим враждующие стороны мирно прощались.

Денег на ремонт у Ваньки не было, и в его апартаментах преобладала такая же революционная аскетичность, как и в собственном гардеробе. Старухину мебелишку Терехин

почти всю выкинул, оставил лишь матерчатый торшер цвета фуксии, круглый стол с бархатной зеленой скатертью, пару потертых колченогих стульев да шкаф, вопящий мартовским котом в момент открытия дверцы. Особой гордостью Николая Васильевича была кровать с пружинным матрасом и кованой спинкой. Он выдвинул ложе на середину комнаты, как декорацию к авангардистской пьесе, под кровать для прикола поставил утку, прикупил кумачовое белье и не без успеха ронял на него офигевших от подобного креатива девушек. Обои в жилище Терехина тоже были авангардные: стены он обклеил старыми пожелтевшими газетами «Известия», «Правда», «Вечерка» и листками из журнала «Крокодил», кои нашлись во встроенном шкафу.

Шкаф был поистине волшебным. Помимо газет в нем Терехин обнаружил стратегический продуктовый запас на случай военных действий: заплесневелые крупы, мешок окаменевшей соли, отсыревшие спички, консервы и сухие пайки с пометкой «USA Army». Как у российской пенсионерки оказались пайки, которыми кормили американских солдат, для Ваньки навсегда осталось загадкой. По слухам, их, как помощь малоимущим, распределяли социальные службы еще в 90-х годах. Другие источники утверждали, что агитаторы одного из депутатов в Госдуму перед выборами пытались подкупить штатовскими консервами пенсионеров и малоимущих граждан. Выходило, ржал Терехин, что бывшая рьяная коммунистка Софья Никитична Бурмистрова продалась

врагу, давясь макаронами с просроченной американской тушенкой. Он частенько представлял, как позже, когда станет богат и знаменит, расскажет журналистам светской хроники о своей романтической голодной молодости...

— Где? — сквозь зубы спросила Кристина, озираясь по сторонам, словно у него было десять комнат. И, прежде чем Терехин ответил, швырнула сумку на пол и бесцеремонно распахнула встроенный шкаф.

— Тебе не сюда! — Ванька за шкирку вытянул Кристину из встроенного шкафа в прихожей, взял под локоток и проводил к двери, расположенной рядом с кухней.

Готка вломилась в туалетную комнату и заперлась изнутри. Из-за двери слышались охи, вздохи и стоны.

— Бедняжка, — хмыкнул Терехин и поплелся в комнату.

Он включил музыку, чтобы не смущать девушку и самому не смущаться, достал со шкафа доисторический чемодан, обитый дерматином, и выудил из него заначку.

В комнату влетели Лукин — с румянцем от предвкушения скорой попойки, а за ним Хлебников — бледный и потный от хотения по нужде. Сеня завалился на Терехинскую кумачовую кровать, закинув ноги на высокую спинку, Пашка, пританцовывая, закружил вокруг.

— Ты, что ли, тоже слив объелся? — пошутил Лукин.

— Пирогов он объелся, сволочь прожорливая, — уточнил Ванька.

Затем сбегал на кухню за стаканами, штопором и амери-

канской просроченной тушенкой, той, что сохранилась еще от бывшей хозяйки дома. Он элегантно вскрыл банку, раздал всем вилки. Откупорили бутылку и разлили вино по стаканам. Молча выпили. Ванька снова разлил. Выпили.

Прошло пять минут.

Перекусили.

Прожорливый Хлебников тушенкой тоже не побрезговал, но после еды ему стало совсем плохо.

Прошло десять минут.

– Ну скоро она там? – ныл Пашка и продолжал жрать и пить. Услышав шум воды, сливающейся в унитаз, Хлебников расцвел и унесся к туалету.

Прошло еще пять минут.

В комнату вернулся Пашка, совсем бледный и несчастный.

– Она, кажется, помыться решила, прикиньте! – раздраженно доложил он и снова убежал на пост. – Кристина, имей совесть, ты тут не одна! – завопил он на всю квартиру и опять вернулся.

От Пашкиной суеты у Терехина голова пошла кругом. Лукин, размякший было от портвейна, тоже напрягся.

– Слушай, Пашутка, шел бы ты со своими, блин, проблемами, на хрен отсюда. Оставь девушку в покое, скотина некультурная.

– Она уже полчаса там торчит! – возмутился Пашка.

– Потому что ты ее дергаешь все время, – промурлыкал

Ванька. – Когда кто-то под дверью торчит, сосредоточиться на процессе сложно. Правда, Паш, иди уже во двор, что ли. Ночь и кусты – друзья наши. Как ребенок, в самом деле. Или тебе утку дать? – хихикнул он, кивнув в сторону кровати.

– Какой на фиг процесс? Она ванну принимает! – заорал Хлебников. – Это нормально по-вашему?

– Че она делает? – насторожился Лукин.

– Твою мать! – Ванька зажмурился. Он вдруг понял, для чего Кристина напросилась в гости. Ей не туалет был нужен, а ванная! От приятного опьянения не осталось и следа.

Лукин тоже понял, сполз с кровати на пол, беспомощно глядя то на Терехина, то на Пашку, который, одурев от нетерпения, слонялся из угла в угол и стонал.

Из ванной комнаты тоже раздались стоны. На этот раз зажмурился Лукин. Далее последовал длинный монолог из народного фольклора. Хлебников замер.

– Пашенька, иди во двор, – ласково сказал Ванька. – Туалет тебе в ближайшие часов двадцать не светит.

– Почему?

– Потому что она там рожает! – заорал Ванька. – Она рождает. Блин! Блииин!!! У меня в ванне! В моей квартире! Нет, я не хочу! Не хочу! Че делать, ребзы? Че делать? – Не дождавшись от обалдевших товарищей совета, Терехин бросился вон из комнаты и забарабанил в дверь ванной кулаками. – Кристина! Ты не имеешь права! Вылазь немедленно! Вылазь, выла... и... и... – Ванька старательно открывал рот

и напрягал горло, но слова оттуда почему-то не выходили, а падали за грудину, вязли в легких и мешали дышать. Кристина, напротив, прочищала легкие громко и выразительно. С каждой минутой ее крики становились все пронзительней.

– «Скорая»? У нас, это самое, девушка в ванне рождает! – Лукин взял инициативу на себя и позвонил по городскому телефону «03» – Говорю же, у нас в ванне. Как зовут? Кого, меня? А... Кристина Руслановна ее зовут. Приезжайте скорее! Не знаю я фамилию! Я ее первый раз вообще вижу. Воды? С водами у нее все в порядке, полная ванна. Отошли? Никуда они не отходили! Девушка, вы чего какие-то тупые вопросы задаете? Я ж вам говорю, рождает она! Приезжайте срочно! Срочно! Откуда я знаю, когда у нее схватки начались и какой интервал? На Воробьевых горах, наверное, когда она с роликов упала, начались. Она там каталась и споткнулась о Хлебникова. Мы ее, это самое, подняли и отнесли к метро, потому что фуникулер был закрыт, а телефоны у всех сломались. Метро было закрыто. Мы ее спустили и проводили наверх. А потом она нас отвезла к Терехину и пошла в туалет. Тогда, наверное, все и случилось. Вернее, начало случаться. Она в ванну залезла, дверь закрыла и там орет без всяких интервалов. Сколько лет? Понятия не имею! Это что, так важно? Говорю же – девушка! Де-вуш-ка ро-жа-ет! Откуда я знаю, какая у нее неделька? Я ее трусы не разглядывал! Адрес, адрес запишите, тупые курицы! – Лукин швырнул трубку на рычаг. – Что-то они странные какие-то, –

смущенно доложил он. – Вопросы глупые задают про трусы, адрес забыли записать.

– Жесть! – охнул Хлебников. – Она что, и правда там рождает? У нее чего, своей ванной нет?

– Иди в сад! – завопил Ванька, у которого наконец прорезался голос.

– Больше не хочу. – Павлуша виновато пожал плечами. – Рассосалось все, кажется.

– Ага, у нее на Воробьевых тоже рассосалось, да, видно, не до конца, – гоготнул Лукин. – Смотри, как бы у тебя, это самое, конфуза не вышло.

– Это у твоей мамы конфуз вышел, когда она тебя родила! – обиделся Пашка и тактично постучался в дверь, за которой голосила готка. – Кристина, мне кажется, ты выбрала не лучшее место для родов. У Терехина кругом бардак. Он не мыл пол уже месяца полтора. На кухне грязная посуда, тараканы и просроченная тушенка. Давай мы тебя домой отвезем, раз ты не хочешь ехать в родильный дом...

– Нет, ну вы только подумайте, какая хитрая сволочь... – пробурчал Ванька. – Она специально нас подвезти предложила – ей ванная нужна была. Все ясно: девка – психическая идиотка.

– Клиническая, – поправил Лукин и икнул. – Так чего, в «Скорую» звонить опять?

– Я сам!

Ванька вырвал трубку у Семена, но из-за волнения никак

не мог попасть пальцем по нужным кнопкам. Лукин отобрал телефон обратно.

– Здгавствуйте, – прокартавил он в трубку. – Моя сестра Хлеболукова Иванна Семеновна двадцати лет от роду рожа-ет. Ребенок уже на подходе. Схватки ее регулярно посещают, очень часто, потому как полчаса орет, практически не переставая. – Лукин для убедительности вытянул руку с трубкой в сторону ванной комнаты, откуда в очередной раз слышались душераздирающие вопли.

Неизвестно, что растопило сердце строгого диспетчера: внушающий уважение картавый голос Лукина или вопль Кристины, но второй звонок оказался более плодотворным.

– Доктор скоро будет! – доложил Сеня, тяжело вздохнул и осел обратно на ковер, потирая трубкой лоб.

– Гениально! – с восторгом глядя на товарища, сказал Пашка. – Беру свои слова обратно по поводу конфуза.

Сеня величественно кивнул, а Терехин подумал, что Лукину с его талантом перевоплощения и красотой надо было в актеры, а не в сценаристы подаваться. Быстрее бы папашу своего «сделал».

Кристина истошно закричала. Пашка подпрыгнул, Сеня вжался в кровать. Ванька побелел.

– Она чего-то хочет, – прилип ухом к двери Хлебников, отключив толстый зад, утянутый в белые льняные портки.

– Родить у меня в ванной она хочет, – съязвил Терехин и тоже прислонил ухо к двери.

В перерывах между криками девушка что-то лепетала, но шум воды глушил слова, только стоны вырывались наружу.

– С кем-то по телефону говорит и матюгается. А сейчас вина просит и соль, – Павлуша покрутил пальцем у виска. – И еще говорит... – Хлебников оторвался от прослушки, выпрямился и обернулся к Ваньке с выражением недоумения на лице. – Она говорит, что сильно хочет в туалет. И я, кажется, тоже опять хочу...

– Это капец, ребзы! – заныл Ванька, схватившись за голову. – Из нее лезет ребенок!

– Ясное дело, что из нее лезет, а не обратно, гы-гы-ы, – философски заметил Лукин, часто моргая, как паралитик.

– Да заткнись ты уже! Потуги у нее начались! – рывкнул Терехин. И заорал: – Кристина! Потерпи, не рожай пока! Врачи уже едут! Они тебе помогут! Слушайте, – обернулся он к товарищам, – а что, если «Скорая» не приедет? Вдруг вместо нее приедет психушка, чтобы Лукина забрать в дурку?

– За что? – ошарашенно поинтересовался Сеня.

– За идиотизм твой! У нас девушка в ванной рожает в трусах неделька... – передразнил Ванька и на секунду задумался. – Надо ее родственников вызвать срочно! Пусть приедут и заберут придурочную.

Терехин оживился и бросился в прихожую. Расстегнул саквояж готки, порылся внутри, но вспомнил, что сотовый Кристина забрала с собой и выругался.

– Документы ее глянь, паспорт. Сейчас в Инете определим номер телефона по адресу. – Лукин уселся за кухонный стол, распахнул Ванькин ноутбук и защелкал мышкой.

– Йе-с! – Терехин радостно продемонстрировал паспорт. Но в Инете ничего искать не пришлось – номер домашнего телефона готки обнаружился в медицинских документах Кристины. Там же лежал страховой полис и контракт на роды в одном из роддомов Москвы.

Терехин набрал домашний номер девицы и пролистал контракт. Оказывается, ей полагалась персональная «Скорая», сопровождение личной акушерки, бригада врачей, отдельный родильный зал, комфортабельная палата и еще куча всяких благ. Количество нолей на чеке впечатляло.

– Вот коза! Сволочь готическая! У нее все проплачено, а она тут рожает! – выругался он. И откашлялся, услышав голос в трубке. – Здрасьте, мне срочно нужен кто-то из близких Кристины. Да, отчим подойдет. Но лучше мать... Вашу мать, да не орите вы так! Ничего с вашей девочкой не случилось. Пока не случилось... Она в данный момент рожает у меня в ванной комнате. Оно мне надо, спрашивается! Я? Я, собственно... Да какая разница, кто я! Почему не в роддоме? Спросите у нее сами. Я не виноват, что ваша Кристина идиотка. Ей, видите ли, в воду приспичило рожать. Короче, приезжайте и забирайте ее на фиг! Быстрее, иначе я... я за себя не ручаюсь! – на высокой ноте выдал Терехин, удивившись собственному визгливому голосу.

В отличие от диспетчера «Скорой» отчим Кристины много вопросов задавать не стал, уточнил адрес и отключился.

– Отлично! Сейчас приедет ее отчим! – доложил Ванька друзьям. Пусть он с ней и разбирается. Дело сделано. Все, я умываю руки. – Терехин потер ладони и станцевал танец маленьких утят.

– Все-е-е-е-е!!! – как эхо, донеслось из ванной, и стало тихо.

– Господи... – перекрестился Пашка. – Чего это она заглохла?

– Неужто, утопла?! – охнул Лукин.

– Типун тебе на твой поганый язык! – рявкнул Ванька.

Он бросился в кухню, залез на стремянку и заглянул через окошко в ванную.

– Ребята, плохо дело! Готка в отключке, вода у носа. Опять накаркал, пророк пустоголовый! – всхлипнул Ванька, с трудом удерживаясь на лестнице. – Дверь ломайте. Быстрее! А то утонет! Господибожемой, за что мне все это? То Галка сумасшедшая по крышам гуляет, теперь вообще беременная чума в ванной рождает... Кошмар какой-то! Я сам сейчас рожу или с крыши прыгну.

Пашка навалился плечом на дверь, забыв, что она открывается наружу. Терехин соскочил со стремянки и, отпихнув Хлебникова, потянул ручку на себя. Раздался треск – и ручка осталась в ладони у Ваньки. Он некоторое время с изумлением смотрел на раритет, отшвырнул его и кинулся обрат-

но в кухню, снова забрался на стремянку. Следом прибежал Хлебников, вышвырнул из-под раковины пустые бутылки и пакет с мусором, схватил вантуз и протянул Терехину. Тот отбросил его в сторону.

– Окно трухлявое, эта хрень вдавит стекло внутрь. Нож дай или отвертку! – скомандовал Ванька, пытаясь пальцами разогнуть ржавые гвозди, на которых держалось оконное стекло. Шляпки впились в пальцы, резали их в кровь, но Ванька настойчиво продолжал ковырять крепления, оставляя бордовые следы на раме. С другой стороны, возле двери, орудовал Лукин, пытаясь войти в ванную комнату с помощью подручных средств: штопора и открывалки.

Ворвались одновременно – Ванька через окно, Лукин через раскуроченную инструментами дверь. Вода не успела доползти до носа девушки, но увиденное парализовало спасателей. Кристина, одетая в короткий прозрачный пеньюар, выглядела, как покойница, которую из гроба сунули в ванну, – тушь и подводка расплылись под глазами, помада размазалась, словно у девушки порвался рот до ушей, над водой, как гладкий валун, возвышался обнаженный живот с пупком. Зрелище было ужасным. Последним приплелся Павлуша, глянул в ванну, позеленел, рухнул на колени и обнял унитаз. Звуки, рвущиеся из его утробы, привели друзей в чувство.

– Что делать? – пролепетал Лукин.

Ванька трясущейся рукой пощупал шею Кристины, нашел

сонную артерию.

– Живая! Видно, от боли отъехала.

Он открыл шкафчик и, расшвыривая шампуни, старые бритвы, мыльницы и прочий хлам, выхватил с верхней полки потрепанную автомобильную аптечку, выудил из вороха таблеток и мазей мутный флакончик, сбрызнул нашатырем вату, помазал Кристине виски, провел под носом. Девушка закашлялась и приоткрыла глаза, лицо ее мгновенно исказила боль.

– На хрена ты это сделал, твою мать? – прошептала она потрескавшимися губами. – Лучше сдохнуть, чем такую боль терпеть. Хочу умереть! Не могу больше! Не могу! Что-то неправильно идет. Нам на курсах говорили, что рожать в воду совсем не больно.

– Потерпи, мы врачей вызвали. Сейчас приедут и обезболивающее тебе вколют. Они помогут. Дурочка, как ты могла так безответственно отнестись к своему здоровью?

– Еще один нравоучитель... Достали! Пошел вон отсюда!

– Вообще-то я у себя дома, – напомнил Ванька. Но готка не обратила на его уточнение внимания:

– Все идет не так! Все плохо! Акушерка меня кинула. Я ей звоню, а она – в Крыму, вернется только послезавтра. Дайте вина, собаки жадные! Прошу, прошу вас... Мне нужно красное вино и соль. У меня в сумке... Рожать надо в соленую воду... – Кристина снова скорчилась и закричала: – Хочу умереть! Отвалите все отсюда! Оставьте меня в покое!

– Успеешь еще умереть, дурочка, – ласково сказал Ванька, погладил Кристину по мокрым разноцветным дредам и подхватил девушку на руки. Кристина была так слаба, что не сопротивлялась, лишь бурчала себе под нос проклятья, клянчила вино и всхлипывала, что отдала кучу денег акушерке, а та бросила ее на произвол судьбы.

Из смутной речи готки Терехин понял, акушерка была из частного центра, где пропагандируют естественные роды в воду. Кристина ходила туда на курсы. Похоже, там дурочку и зомбировали. Родители были против, поэтому, когда девчонка поняла, что пришло время рожать, она оказалась у него в гостях.

Терехин опустил девушку на кровать и поправил подушки, радуясь, что постельное белье поменял накануне. Осталось дожидаться врачей и родственников.

Прикатился Хлебников, смущенно прикрыл Кристину полотенцем, сверху полотенца зачем-то набросил Ванькин халат. Готка вцепилась в халат зубами, снова скорчилась и пронзительно закричала.

– Дыши! Дыши! – влез с советами Лукин и сам задышал, как паровоз.

– Да пошел ты... Вина дайте, сволочи! В сумке... – простонала Кристина.

Сеня бросился к бутылке, которая стояла на журнальном столике, налил полный стакан портвейна и встал по стойке «смирно» возле роженицы. Рука его тряслась, вино расплес-

кивалось по полу бордовыми кляксами.

– Одурел? Нельзя ей пить, она же беременная! – возразил Ванька.

– Дык, желание дамы закон, – крикнул Семен и чуток отпил из стакана. – К тому же она уже почти не беременная.

Кристина резко села, вырвала стакан у Лукина, жадными глотками осушила его до дна и рухнула на подушки – щеки ее мгновенно порозовели.

– Мне акушерка разрешила. Она говорила, что вино хорошо расслабляет и обезболивает.

– Тогда, может, еще налить? – спросил Семен, плотоядно глядя на сумку готки.

– Поздно! – торжественно провозгласила Кристина.

Лукин замер.

– Нам выйти? – тактично уточнил Павлуша, пятясь задом к двери из комнаты.

– Стоять! – рявкнул Ванька. – Простыни чистые из шкафа достань. Если найдешь. Если не найдешь – рубашки. Лукин, а ты воду вскипяти. Таз и спиртыгу притащи, во встроенном шкафу бутыль. Еще понадобятся ножницы – пуповину резать. Они в ванной. Пластырь там же. Зеленка. Йод. Короче, всю аптечку тащи сюда. И это... – Терехин почесал затылок. – Чем-то надо слизь отсасывать и перетягивать пупок.

– Слизь? – Павлуша привалился к шкафу спиной и вытер ладонью пот со лба.

– Ты что, не знаешь, что младенцы рождаются со слизью

во рту и носу? Чтобы ребенок задышал, ее надо отсосать чем-нибудь. Можно ртом, но... Звук упавшего тела заглушил последнюю фразу Ваньки. Павлуша валялся на ковре, раскинув руки и ноги, как парашютист в свободном полете. Лукин, напротив, отмер и развил бурную деятельность, с кухни и из ванной доносились грохот и матюги.

– Клизма, это самое, подойдет, вашу маму? – проорал он. – Такая, типа груши с пипкой на конце...

Пока Ванька соображал, подойдет ли клизма и что вообще такое с пипкой на конце предлагает ему Сеня, Кристина вцепилась в его руку, присела, наклонила голову и натужилась. Ванька тоже натужился и почувствовал, что сейчас черепушка треснет, как скорлупа.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.